

Седрак Симонян

В тени Аврорь

Седрак Симонян В тени Авроры

<https://litres.ru/74092806>

SelfPub; 2026

Аннотация

О том как философскими изысканиями люди загнали стадо человеческое в духовное зазеркалье и о познании не нарушающем земные устои.

Содержание

В тени Авроры	4
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Седрак Симонян В тени Авроры

В тени Авроры

Симонян Гарегин

Всё, что в мире, зримо мне;

Или мнится – сон во сне.

Эдгар А. По.

Госпоже Д. Д.

В ТЕНИ АВРОРЫ

Проводы обречённой юности – в небытие.

Страдание, покорность. И любовь. Утверждение безысходности в душе. Осознание себя в океане жизни, мимолётной, в благостном унынии. Но куда от этой рухляди – от те-

ла, больного и разваливающегося уже в юном возрасте. Уйти от себя, спастись, уйти по тропам иным, путям неведомым. Море, волны, туманы. И туда, в рассвет, на дряхлой шлюпке, слиться с вечностью... Страх пред Божьей карой за малодушие, за слабость понести бремя судьбы. В раздумьях, бесцельном хождении по окраинам заснеженного посёлка, среди заброшенных домов, издали созерцая море, плещущее синевой в низине. После приступа болезни, прогуливаясь по милым душе просторам, на краю посёлка, на подступах к лесополосе, услышал шум ближнего двора. Отвлёкся. Он частенько здоровался с одинокой хозяйкой этого дома. Знал: поселилась в посёлке давно, завела хозяйство – кур, гусей; в огороде – картошка, фасоль, зелень. Жила скромно, одиноко. Не жаловалась. Юноша с любопытством подошёл ближе. Кудахтанье то усиливалось, то затихало. «Лиса, что ли, пробралась?» – подумал он, прихватил у обочины деревянный прут и приоткрыл калитку. А там – личико с волнистыми кудрями, фигурка в синем платье, на ногах огромные мужские сапоги, в руке топорик. Она бежит за курами, ловит какую-то. Барышня, он так и подумал – «барышня», с виду его ровесница. Заметила его, попросила помочь. Он быстро поймал первую попавшуюся курицу, но вдруг хозяйка протянула ему топорик. Юноша растерялся. Ничего подобного он раньше не делал.

- Ну да, вы-то пред Божьим оком не согрешили. Но я-то

должна, должна... Лучше прижмите голову курицы к бревну, а я отрублю, – видя колебание юноши, предложила она. Он неуверенно прижал голову курицы к бревну. Барышня дрожащими руками приподняла топорик, зажмурила глаза, но не смогла нанести удар. Юноша опомнился, выхватил свободной рукой топорик, оттолкнул девушку и с размаху обезглавил курицу. Потом, хотя было неприятно, прижал тушку к бревну, пока та не перестала шевелиться.

- Простите... – пробормотала барышня.

- Да ладно. Дед говорит, еду всегда добывают. Лучше подержите курицу в горячей воде, чтобы легче ошипать. Мама всегда так поступает.

- Вы поможете? – голос завораживал. Он кивнул:

- А воду нагрели?

- Да, нагрела. Пожалуйста, заходите в кухню, – она снегом протёрла лезвие топорика, подняла со снега куриную голову и вошла за юношей внутрь, быстренько сняла кастрюлю с печи, поставила на скамью и жестом показала юноше.

Тот машинально опустил курицу в кипяток.

- Помойте руки, они в крови, – сказала барышня.

Юноша помыл руки под кухонным краном, вытер поданным полотенцем. Впервые они с любопытством посмотрели друг на друга. Вдруг барышня побледнела.

- У вас на лице печаль безысходности, – проговорила она дрожащим голосом.

- Воля Божья. И можно на ты. Дай-ка, кстати, вон ту посудину, там лучше будет ошипывать. У меня мало времени. Надо вернуться домой.

Барышня спохватилась, подала таз, а сама пошла в другую комнату. Пока юноша занялся курицей, она принесла мешочек с травами, насыпала от каждой горсточку в заварной фарфоровый чайник, залила кипятком, накрыла. Он закончил ошипывать, приоткрыл крышку печи, опалил оставшийся пёрышки, и обратился к барышне:

- Прости, как тебя зовут?

- Зовут? А... как бы вы предпочли?

- Скажем, как мою маму.

- Видно, вы очень любите её.

- Очень. Она необыкновенная... Своей болезнью я её измучил. Сейчас наверняка беспокоится. Ждёт меня. Мне пора пилюли принимать.

- Голова болит?

- Иногда очень. А как вы догадались?

- Часто прикасаетесь ладонью ко лбу, обратной стороной.

- Даже не представляешь, как это выматывает.

- Конечно, представляю.

- Неужели? Накрыло бы тебя болью, может, и поняла бы меня.

- Пожалуйста, не говори таких слов. Похоже на проклятие.

Он удивился её волнению, даже оставил курицу. Сказал виновато:

- Я не хотел обидеть. Прости.

Барышня с благоговением посмотрела на него. По её щекам почему-то катились слезинки. Нежданно она налила из чайника с заваркой четверть стакана и протянула ему:

- Выпейте пожалуйста. Несколько глоточков.

- Целебные травы? Бабушка частенько настаивает. Но, увы...

- Эти особенные. Монахи собирали. Выпей, хоть чуточку.

- Докончу с курицей, потом, ладно? А что за монахи?

- Обязательно расскажу. Выпей хоть чуть-чуть, пожалуйста, я помогу, – она приблизила стакан к губам юноши.

- Никогда не воображал, что когда-нибудь незнакомка будет поить меня из рук.

Смущаясь, парень сделал несколько глотков. И вдруг осознал, что от барышни веет ароматом земляничной поляны. Неосознанно, замедлив попить отвар трав, он длил эти мгновения близости с ней, к её дыханию. Она поняла, улыбнулась, и продолжала поить.

- Хотите ещё?

- Лучше как-нибудь потом. Если так продолжится, то я, то вы... – он смущённо умолк.

- То что? Пожалуйста, продолжайте.

- Боюсь, могу признаться в любви и стать посмешищем.

- Ничего смешного в признании. Или... у тебя опыт неудачной любви?

- Пожалуй, да. В пятом классе, к учительнице. На уроке, перед всем классом, предложил ей выйти замуж за меня. Друзья до сих пор напоминают.

Барышня начала смеяться каким-то завораживающим смехом. Он не обиделся, интуитивно чувствуя в её смехе нотки сострадания, и тоже улыбнулся. Закончил возню с курицей, разрезал на куски, промыл, поставил посудину на стол. Присел рядом, осознавая, что скоро придётся уйти. Сказал грустно:

- Мне пора. Приготовить-то ты сама пригодишь. Мне действительно пора принимать лекарства. Мама давно бы позвонила. Но телефон я оставил у бабушки.

- Спасибо за помощь. Я очень, очень признательна. Но... Разве боль не отступила? Юноша вдруг осознал, что боль действительно прошла. Глубоко вдохнул запах земляники, веющий от барышни, в душевном порыве обнял её, прижал к груди. И не почувствовал отторжения. Прижал щеку к её щеке. Потом повернул голову, посмотрел в её глаза и прошептал:

- Ты волшебница. Как это у тебя получилось? Может, станешь моей спасительницей? Прошу тебя. Я буду признателен до конца дней моих.

Барышня, будто не слыша, спросила тихо:

- Расскажи, чем закончилось объяснения в любви к учительнице?

- Не закончилось. Она была доброй феей для меня. Грустно улыбнулась, подошла, погладила мою голову, тут прозвенел звонок, она попросила всех выйти из класса, а потом присела рядом и сказала: «Юный джентльмен, моя дочурка годом моложе тебя. Станете взрослыми, я выдам её за тебя замуж».

- Так и расстались?

- Я заплакал. Сказал, что люблю, люблю. Схватил её ладонь, поцеловал, а потом удрал из класса. Дома поднялась температура, впал я в лихорадку. Когда узнал, что учительница оставила школу и с дочерью уехала, просил-уговаривал родителей перевести меня в другую школу. Долго страдал. По вечерам, в одиночестве. У всех женщин теперь ищу её глаза, её улыбку. И у тебя.

- Правда? А искать её не решился?

- Сказали, уехала в другие края. Кто бы меня пустил. Всего-то одиннадцать лет. А после школы – вот, настигла болезнь, испортила мне жизнь и мечты.

- Спасибо тебе за любовь к Аделаиде Сергеевне, к моей маме. Спасибо.

Юноша опешил: Это твоя мама?

Теперь барышня ринулась в его объятия, медленно, её губы скользнули к его губам, и в безумии мгновения, слились они воедино, не соображая ни о чём ином на свете, ведомые провидением, соединяющим судьбы.

К полуночи она заснула в его объятиях. Он неотрывно глядел на неё, безумно страшась, что если отпустить, то она

исчезнет, растворится, как мираж. Тихо, неустанно целовал её личико, уши, шею. Вой шакалов из ближайшего леса отвлекал, спадало напряжение. Незаметно заснул. Проснувшись до рассвета, она тихонько высвободилась из его объятий, счастливо улыбнулась, привстала, оделась. Накрыла его одеялом, положила курятину в холодильник. Прибрала в кухне, и в раздумье присела на край дивана, у его ног, прислушиваясь к лесным голосам. Забеспокоилась. Встала, нашла бумагу, ручку, спешно написала записку и положила на стол. Потом, надела сапоги, накинула шубу, подошла к любимому, тихо поцеловала лоб, осенила крестным знамением, вышла за порог дома и в утренних сумерках пошла к лесной тропинке, к ночным голосам. Вскоре снег замёл её следы. С ней удалялись ночные голоса, над сновидениями земли воцарилось безмолвие.

Едва начав просыпаться, юноша почувствовал тревогу. Вскочил с дивана, оглянулся. Страх и невероятная тоска охватило его. Он оглядел комнату, вышел во двор. Никого. Лишь падающие снежинки с небес. От возникшей мысли о хозяйке участилось сердцебиение. Заново украдкой оглядел дом. Ни души. Досадуя, присел на диван. Заметил исписанный тетрадный листок. Прочёл. Потом снова и снова, и не мог понять, сон это или явь. Или... отголоски собственной болезни. Долго не смог прийти в себя. Успокоился, задумался. Потом снова прочёл:

«Любимый, пора мне уходить. За мной пришли. Хозяйка, бабушка Полина, вернется после обеда. Прости, что при встрече притворялась. Иного пути принести за Тебя жертвоприношение не придумала. Я навек предана тебе, любимый. В этом не сомневайся. Я была с тобой искренна. Пожалуйста, накорми кур. Корм в ведре, рядом с диваном. Бабушка Полина знает про меня немного, хотя когда-то нянчила меня. Пожалуйста, не спрашивай её. Ей мои поступки действительно неведомы. Но поступки – это способ спасения, спасения от времени-убийцы, времени, вплеснувшего в материальный мир Божественные образы наших душ, и ничего иного. Тяжело бороться с неведомым и скрытым и отступать с грузом незнания, порой искать причины и объяснения в мире зазеркалья, в снах. Любимый, наверное, сейчас не время загружать твоё сознание чем-то не очень понятным. Но иначе не опередить события. Время линейно, оно подобие потока. Только не для души. Пожалуйста, постарайся познать больше о себе, о тёте Наре, твоей маме, и, если пожелаешь, вникни в глубины царства сновидений, в тайны зазеркалья. Умоляю, не в земных страстях, а в душе своей ищи ответы – так, как это тебе дано. Спаси меня, любимый. Моя мама со школьных лет избрала тебя спутником моей жизни. Что бы ты ни решил, я навечно буду предана тебе. Милый, запечатанный конверт, который я кладу внутренний карман твоей куртки, раскроешь, когда приобретёшь скифское зерка-

ло у девочки Ульяны. Это младшая дочь учителя восточных единоборств, искателя старины. Может, она не захочет расстаться с зеркалом. В иной реальности души и сознания, тысячи лет назад, душа её была младшей сестрой скифской царицы. Ты поймешь, когда увидишь её юный облик: удивительные глаза, в глубине она не желает расстаться с памятью сестры. Попросишь её отца указать, где он обнаружил зеркало. Поднимись с ним в горы. Но до этого узнай побольше об обрядах захоронения скифов. Выкопай заново захоронение, заверни останки в шёлковую ткань и захорони по чину обряда. Отец Ульяны тебе поможет. Душа принцессы успокоится. Верь, она поможет в будущем нашим близнецам. Ныне я не могу разглашать многое, ты не подготовлен к этому. Всё в своё время. Единственное, о чем предостерегаю – соблюдай очерёдность поступков. Нарушишь завет – мы навеки исчезнем из твоей памяти. Будущие наши близнецы будут под твоей опекой. Они явятся сначала в твоих сновидениях, а потом, наяву. Ты спасёшь нас от колдовского круга. Когда-нибудь на закате, сидя у костра с дочерьми, мы и не вспомним эти тревожные времена испытания наших душ. Сейчас я не смогу, если даже захочу, остаться и этим навредить всем моим любимым. Твоя мама близкая подруга моей мамы. Она многое расскажет тебе. Лисицы волнуются, ждут. Не беспокойся. Они проводят меня до монастыря. Не ходи за мной. В полдень придут служители зла. Умоляю, ни слова обо мне. Скажешь, что стережешь дом до прихода бабушки

Полины. Она знает тебя и знает о происходящем. Скажешь, что приходишь к ней за целебными травами, это будет правда. Возьми из шкафа мешочек с травами, его тебе хватит надолго. Потом бабушка Полина поможет тебя. Любовь моя. Я погибну без тебя».

Растерявшись, не зная, что думать, юноша встал, машинально открыл холодильник. Увидел, что полкурицы нет. «Для лисиц», – подумал он. Услышал шум машины, встрепенулся. Прибрался. Припрятал перья курицы и встал у окна. Машина – белая, с брезентовым кузовом, огромным красным крестом – остановилась у ворот. Двое вышли из кабины и подошли к калитке.

- Эй, хозяйюшка! – Окликнул старший. Юноша вышел на крыльцо.

- Кто там в такую рань? – отозвался недовольно.

- А... где хозяйюшка?

- Уехала в город. Я присматриваю за домом. Что ей передать?

Они вошли во двор. Юноша прихватил лежащий рядом топорик, свободной рукой достал мобильник:

- Я звоню в милицию. Только попробуйте подойти. Здесь нечего брать. Уходите с Богом.

- Угомонись, парень. Мы не воры. Девочка убежала из психушки. Хозяюшка ваша – добрая душа, могла приютить...

- Нет здесь девочки. Я только проснулся. Лучше вам уйти.

- Больная девочка. Могла всякого вам наговорить. Так что.

- Не было никакой девочки. Никто в дверь не стучался.

- Хорошо, уходим. Оставляем на калитке визитку. Появится девочка, пусть хозяйюшка сообщит.

Мужчины в белых халатах вернулись к машине, сели, и вскоре исчезли в извилинах идущих к низине дорог, оставляя за собой шлейф угасающего звука, наподобие жужжания майского жука. Юноша взял визитку и вошёл в дом.

Эти странные события волновали его чувства, терзали сознание и душу. Мысленно бросаясь во все крайности со своими предположениями, он не мог решиться – броситься ли

вслед за исчезнувшей, правда, не зная куда – подождать ли старушку – или скорее к матери, ведь «барышня» упоминала её. И, может, мама прояснит всё это. Вспомнил о просьбе девушки, взял ведро с пшеницей, пошёл в курятник, высыпал полведра в плоскую большую посудину. Запер курятник, поставил ведро на место и, более не раздумывая, вернулся домой. Дома обеспокоенная мама и младшая сестрёнка встретили его чуть ли не в слезах. Стянул обувь, повесил куртку на вешалку, тихо обнял мать, поцеловал сестрёнку и пошёл в кухню.

- Мама, приготовила чего вкусенького? – улыбнулся он ей.

- Айк, сынок, конечно, приготовила. Со вчерашнего вечера глаз не сомкнула. Что случилось, где ночевал. Мобильник, как всегда, у бабушки оставил? Она звонила, предупредила, волнуется больше меня. Не подумал о нас, сынок. А если приступ? Как себя чувствуешь? Голова не болит?

- Нет, мама. Выпил настойку и боль прошла.

- Ты шутишь? Не может быть, так нельзя. Я принесу лекарство.

- Я правду говорю. Пойду поставлю чайник. Надо травы

настаивать. У меня целый пакет. Знакомая бабки Полины отдала. Кажется, ты её знаешь.

- Знакомая Полины?

- Да. И я влюбился в неё. Прости, что вот так вот признаюсь. Я влюблён, мама.

- В старушку? Да ты бредишь, сынок.

- Мама, она моя ровесница. Может, и моложе. Ты её знаешь. Дочь моей первой учительницы, Аделаиды Сергеевны.

- Господи, она жива, она жива. Наша Анабелла! – мать чуть не упала в обморок.

Сын подхватил её, посадил на диван, подал воду.

- Выпей, успокойся, пожалуйста. Почему ты так разволновалась?

- Где Анабелла. Господи, она у Полины беззащитна. Айк, приведи её скорее сюда.

- Мама, я её имя слышу от тебя. Утром, когда я спал, она не разбудила меня и ушла.

- Как это так? Ты же говоришь, влюбился.

- Да, мама. Я проходил мимо дома Полины. Увидел, девочка с топором бежит за курицей. Спросил, конечно, кто она. Но она умудрилась не ответить.

- Бедная девочка. Она делала жертвоприношение.

- Мама, объясни толком. Откуда ты знаешь о ней? Куда она могла уйти? Пожалуйста, скажи, для меня это очень важно.

- Мы дружили с её мамой, Аделаидой Сергеевной. Когда её увели, тебе было полтора годика, а Анабелле всего четыре месяца. Я почти год была её кормилицей. Когда Аделаида вернулась, Анабелла уже привыкла ко мне, да и я привыкла к ней. А Аделаида появилась в наших краях, после института, по направлению. Преподавала в школе, вышла замуж за археолога, татарина. Со своей группой в нашем побережье они искали следы старинной цивилизации. Кажется, очень ценные вещи находили. Так говорят, точно не знаю. Приехали странные люди в непонятных формах, увезли всех. Куда, непонятно. Больше никто о них не слышал. Мы обращались в милицию, искали, но всё безрезультатно. Прошло три года. Как раз тогда ты был влюблён в Аделаиду Сергеевну.

- Что могло стать причиной? Больше ничего не помнишь, мама?

- Я с твоим отцом на только что купленной им легковушке собирались в город. Помню, односельчанин принёс от неё странную записку. Я её храню среди бумаг.

- Что там было?

- Тебе лучше не знать, сынок. Да и сестрёнка, видно, утомилась. Давай я накормлю вас, а потом поговорим. Обещаю.

- Мама, пожалуйста, сейчас. Сестрёнка, я тебе шоколадку куплю. Будь послушной, потерпи немного, хорошо?

- Опять обманешь. Скажешь потом, от сладостей зубы портятся.

- Обещаю, куплю. Дай поговорить с мамой.

- Ну и ладно, я во двор пойду.

- Дочка, там прохладно. Иди в свою комнату. Скоро пойдёте с братом к бабушке.

Девочка ушла в свою комнату. Мать с грустью посмотрела на сына.

- Мама, что тебя беспокоит?

- Скажи, сынок, между вами что-то произошло?

- Мама, пожалуйста...

- Это важно. Я должна знать.

- Прости. Неловко признаться. Но мы поженились. И не понимаю, почему она ушла.

- Бедненькая Анабелла... Она отвела беду от тебя.

Мать заплакала. Попросила сына сесть рядом. Он присел, обнял голову мамы, спросил умиротворённо:

- Почему ты плачешь? Что тебя беспокоит?

- Сыночек мой. Всё беспокоит. Скажи, а где была Полина?

- В городе. Анабелла оставила мне записку. Утром появились двое странных людей, в халатах, на допотопной санитарной машине. Таких только в фильмах показывают.

- Ты сказал им о девочке?

- Нет. Анабелла предупредила. Они оставили визитку. Сказали, ищут девушку, чтобы повести к матери, в психиатрическую клинику.

Айк почувствовал, как встрепенулась мама от его слов. Она встала, молча прошлась по комнате и, наконец, сказала:

- Аделаида предупреждала меня, чтобы я остереглась каких-то сатрапов. Будто они из зазеркалья. Чьи-то сновидения сделали возможным их проникновение, и теперь они уничтожают следы находок археологов.

- Мама, ты это сейчас серьёзно?

- Более чем. Сынок, Аделаида приучила меня смотреть на жизнь иначе. Чем больше познаешь, тем с большим разочарованием смотришь на подобную сну жизнь людей. Говоришь, любовь. А что она такое?

- Мама, я понимаю. Ты грустишь по отцу. Но мы найдём, разгадаем эту тайну.

- Да, грущу, очень. Виновата. Не смогла удержать его.

Уехал и пропал.

- Мама, вчера утром звонили тебе, просили, чтобы ты срочно явилась в монастырь. Оставили телефон. Сказали, ты в курсе.

- Ладно, сынок. Сегодня или завтра навещу. Может, что-то новое об отце.

- Ты говоришь странные вещи. Фантасмагории какие-то. Ничего подобного не может быть. Я позвоню Аделаиде Сергеевне, и навещу...

- Сынок, не повторяй навязанных изречений полусонного мира. Только позвонишь, и те не дадут покоя никому из нас. Там её нет.

- Мама, пойми, в этом полусонном царстве людей всё поддётся разумному объяснению. То, что я слышу, неразумно. Невозможно в здравом уме уповать на вмешательство потусторонних сил.

- Ты возмущён, ты влюблён. Сынок, я счастлива, что вы встретились с Анабеллой. И благословляю вас. Она же для меня как родная. Прислушайся, пожалуйста, к её просьбам. А сейчас иди к столу, завтракать.

- Мама, ты недоговариваешь.

- Ради Анабеллы, сынок.

Синее Божье пространство. Стремление духа ввысь, к безграничной синеве. Страх, тревога, бесцельное блуждание в завораживающей сини. Сопричастность тайне. Станным гулом приближающаяся из бездны планета, пульсирующая подобием сердцебиения. Умиротворённость. Пробуждение. Глубокий вдох, покой в мыслях. Погружение вглубь сознания, мысли о процессиях в сонном царстве. Память из миллиардов клеток мозга выхватывает образ странной планеты и путь души к ней. Это изумило Анабеллу. «Что это может обозначать, – подумала она. Встала, подошла к окну. Протянув ладони к небесам, не открывала глаз до завершения мысленной молитвы. Взглянула за окно. Что это, иллюзия? Заброшенное, почти развалившееся здание, в прошлые эпохи используемое как увеселительное заведение, со следами имперской лепки времён перемен, как оклик из прошлого. На стенах висят уцелевшие куски лепнины, и всё это укрыто колючей порослью. Дальше – тропинка к берегу, между симметричных пирамидальных тополей. Летняя танцплощадка, разрушенная стена. И какой-то странный ветерок, разнося-

щий по закоулкам зелёного массива шёпоты и шорохи: голова времён, тайнопись былого. Побережье благоухает цветущим кустарником, запах проникает в комнату.

- Боженька, я опять в сновидениях, – подумала она и обернулась на дверной скрип.

- Дедушка Илларион! Я шла к вам! Но зима была, а... Как я попала в лето?

- Пришла в себя, наш ангел. Ну, здравствуй. – старик, весь в чёрном, обнял её по отцовски, пригладил её кудри и присел у окна. Анабелла села напротив, ожидая ответов на тревожащие вопросы.

- Мама твоя во здравии. Об этом не переживай.

- Она застряла там, да? И папа Айка тоже?

- Недолго осталось. Потерпи. С Айком будете счастливыми. Ты сама избавишь их от наваждения.

- Дедушка... Откуда вы знаете про... про нас... про Айка?

- Он спас тебя. Храбрец. Его мама благословила ваш брак. Она тебя когда-то выкормила, ты её мамой звала. Вот и свела

судьба.

Анабелла, радостная, с сияющей улыбкой, встала, обхватила голову старика. Тот легко похлопал по её плечу, сказал растроганно:

- И мне недолго быть стражником, остерегать ваш покой. Времена ныне тревожные. Покину зазеркалье, пойду в леса, буду наслаждаться земным раем. Ничего нет совершеннее, чем природа.

- Дедушка, можно ли увидаться с Айком? Хоть ненадолго.

Старик со странной грустью посмотрел на неё и указал на окно.

- Осознаешь, где мы ныне?

- Догадываюсь, – Анабелла побледнела.

- Не дано предугадать порядок вещей в чередующихся событиях. Твоя душа, твоё сознание переместились. Мы, – дети земли, подвластные времени. Не дано пребывать одновременно в двух мирах, ибо сказано «Прах ты, и в прах вернёшься». Это о теле, теле слабом и немощном.

- А есть ли свершение помыслам Братьев, их противостоянию?

- Мы несём свой крест, мы лишь страничка в делах вселенских.

- Стрдание, любовь, тоска, разлука. Когда-нибудь я увижу моих любимых?

- Не о том тебе нынче заботиться. Совсем не о том, в чём твоя миссия.

- На что намекаешь, Брат Илларион. Если не о миссии, то о чём тогда.

- Ты не чувствуешь изменений в себе?

- Изменений?

Анабелла растерялась. И... странные удары в животе. Растерялась. Посмотрела на старика. Тот утвердительно кивнул. Она погладила живот. Вспомнила Айка. Радость и тревога хлынули в душу. Старик понял её волнение.

- Откроется окно и вернешься. Надо выдержать невзгоды судьбы.

- Сколько времени я здесь?

- Много, ангел, много.

- Но почему? Где моя воля, моё решение, мой выбор?

- Предназначение и выбор твой ныне едины. Телесное – порождает слабое звено в терзаниях душевных. Много ты металась и терзалась, так и помешаться могла бы. Зазеркалье – не тропинка для прогулок. Ты прошла барьер во сне бесчувственном, а выждать дальше было опасно для судьбы твоей. Настанет время, возвратишься, а как выйдешь из зазеркалья, всё, что происходило станет для тебя как долгий сон. Хотя и ныне, когда ты очнулась и вновь начала себя осознавать, по земным-то меркам уже много месяцев прошло. А теперь образы да события будут стираться у тебя из памяти, а в земных делах твой мозг проснётся, и будет работать во всей полноте. Тягостное будет стирать, загонять в глубину. Да так он и делает всякий миг, отклоняет десятки, сотни и миллионы натисков из окружающего мира. Сон, когда время не воспринимается, это пространство мечтаний, грёз о вечном соединении телесного и духовного. Но, видимо, воля Божия – это иное, неведомое смертным. Бездонна пропасть меж волей души и способностью тленного тела, которое изнашивается и уничтожается временем. Всё должно было бы

произойти резко, скачком: перемещение духа, души, сознания и воли на более совершенный уровень, где и тело обретёт совершенную конструкцию, неподдающуюся разрушению временем. Но в материальном мире нет ничего, неподвластного времени. Надежды лишь на эфирный образ. В реальности остаётся лишь смерть – единственный путь, определённый Создателем для тленного тела. А она табуирована в человеческом сознании. Вдохнув душу в грешное тело, жертвуя Сыном своим, избавляя человека от животных грехов, Он раскрывает человеку врата вечности. Скотина в человеке отрекается от души дарёной, так мельчает человек и мельчает. Дождемся ли второго пришествия, не истребив самих себя? И твоё пребывание, миссия твоя в зазеркалье, начнётся с тех поисков, о которых тебя наставляли долго и скрупулёзно. И не только. Есть ещё обстоятельства, почему твой переход был таким стремительным...

- Я догадалась, брат Илларион. А правда, в эти месяцы я была не в себе?

- Правда. Нынче мы во владении иных истин.

- Дедушка, то, о чём мы думали, видимо свершается?

- Всё, что я предсказывал, ныне обыденность. Глянь, что за окном?

- Синее море, облака, чайки. Ветхие здания...

- Это обман зрения. Внутри комнаты – ты в земной правде. Приоткроешь створки – попадешь в тридцатые годы прошлого века. В зазеркалье нет будущего. Везде тропинки прошлого. Мне захотелось укрыться в недалёком прошлом. Так спокойнее. Твоему сознанию надо привыкнуть. А душе такое не впервой. Душа тебе подскажет.

- Если это так, то мы можем гулять и видеть людей прошлых времён?

- Видеть и слышать. Но не общаться. Они нас не видят. Они вроде голограммы. Но остерегайся. Следы зла повсюду. Старайся не потревожить царство теней. Это первая ступень зазеркалья. Будут и более отдалённые времена в твоём путешествии, будешь и общаться, и действовать совместно с ними. Но это потом. Письмо, которое я дал тебе, передала Айку?

- Положила в карман его куртки. Что-то тревожит вас?

- Славный он малый. Внимал твоему слову, не открыл конверт.

- Что там?

- Путь ваших судеб. Сейчас не время. Пусть будет тайной и для тебя.

- Вы сказали, он спас меня?

- Да, ангел наш. Видать, сработал инстинкт у его матери. Почуяла беду, да и вместе с сыном помчалась по твоим следам. А ты не помнишь, как попала в ловушку? Тебя в монастыре разве не предупредили?

- Помню, шла по следам лисичек. Уже неподалёку от монастыря захотелось отдышаться. Полезла в пещеру, где ветра не было. Странно, но казалось, что чем дальше в пещеру, тем теплее и теплее. И я шла и шла. Дальше не помню.

- Бедное дитя. На тропах вокруг монастыря повсюду ловушки.

- Я не помню. О ловушках ничего не говорили.

- Дурман – тот сон, что тебя сморил, торжество зла. Наше тело порой бессильно перед наступающим злом.

Как только Айк вышел из душа, мать позвала на кухню завтракать. Он был задумчив и хмур. Присел за стол к сестрёнкам, но отрешённо глядел в окно.

- Всё думаешь о ней? – спросила мать.

- Мама, странное дело. Когда уходили те незнакомцы, я заметил, как торжествующе друг на друга поглядывают, улыбаются, мерзко так... – Мать побледнела.

- Сынок, куда Анабелла могла пойти?

- К лесу, там тропинка к развалинам, где монастырь был. Может туда пошла? Но что там, в этих развалинах?

- Не знаю. Но ей явно грозит опасность. Вряд ли она дошла до туда. Надо Арсению позвонить.

- Что за Арсений? Почему не знаю?

- Не надо бы тебе знать о нём. Монах из монастыря. На пути туда пропала мама Анабеллы. Потом твой отец. Сейчас Анабелла... Сынок, ешь скорее. Пойдём по следам.

- Ты раньше о монастыре не говорила. Там, сколько я

знаю, одни заросшие развалины. Анабелла сказала, что мне лучше надо узнать тебя. Мама, нет аппетита. Пойдём, по-ищем. А сестрёнку куда?

- Я с вами пойду. Можно? Пожалуйста. Хочу увидеть ту девушку.

- Ты останешься у бабушки. Слушайся её. Мы поздно вернемся.

Дойдя до чащи, они продолжили путь по тропинке. Мать шла сзади. Вдруг она беспокойно спросила:

- А ты взял оружие?

- Взял папин пистолет. Проверил, заряжен. Думаешь, пригодится?

- Дай Боже, чтобы не пригодилось.

- Мама, почему такое должно была случиться с нами? Разве мы не на стороне закона? Есть же милиция, прокуратура. Давай сообщим им?

- Постой. Обернись. Ты пока не понимаешь, с чем мы имеем дело.

Айк обернулся. Увидев тревогу и бездонный страх в глазах матери, Айк почему-то успокоился.

- Прости. Я правда не понимаю. Обещай, когда вернемся, то расскажешь обо всем подробно.

- Обещаю. Это будет долгий разговор. Сейчас надо спешить. Девочка в опасности. Об остальном потом.

Больше часа они шли по непроторенной тропинке, утопая в снегу по колено, иногда останавливались передохнуть и перевести дыхание. Наконец на окутанной туманом вершине показался силуэт монастырских развалин. Уже на подходе Айк не вытерпел.

- Мама, здесь же ни одной живой души. Кто нас туда пустит-не пустит?

- Это мужской монастырь. Для непосвященных там одни развалины. Но ты мой сын. Когда будешь рядом, появятся ворота. Постучишь, попросишь отца Арсения. А я... Её слова прервало тьяканье лисичек из-за сугроба. Айк достал отцовский пистолет.

- Не смей! Спрячь оружие. Они друзья, не навредят.

Удивлённый Айк спрятал пистолет.

- Какие ещё друзья, мама? Это лесное зверье. Ты не боишься?

- Обещала всё рассказать потом, и расскажу. Они зовут нас.

- Ты соображаешь, что говоришь? Они ещё и зовут?

- Деточка, будешь перечить матери – прогоню. Они уходят. Не бойся, иди за ними. Я устала, отдышусь и догоню.

Ошарашенный от материнских слов, не вдаваясь в раздумья, он по сугробам побежал за лисичками. Иногда оглядывался, и, видя, что мать идёт следом, продолжал бежать. Вскоре лисички собрались перед впадиной в горе, повыли и разбежались. Айк с бьющимся сердцем подошёл к гроту, огляделся, ничего не заметил и стал дожидаться матери. Мать пришла, устало села на краю грота. Спросила машинально:

- Лисички ушли?

- Крутились вот здесь, у входа, потом ушли.

- Ты не заглядывал? Что там внутри?

- Там темень. Фонарик надо. Спичек не ношу, как назло.

- Сынок, всегда, когда идёшь в лес, прихвати спички и горючее. Вот спички и керосин в бутылке. Сломай вон ту сухую ветку, обмотай конец моим платком, полей керосином и зажги.

Всё больше удивляясь, Айк сделал всё, как велела мать, и, освещая путь факелом, зашёл внутрь. Мать шла за ним, одной рукой ухватившись за его куртку, а в другой руке на уровне лица держала пакетик и всё время шептала что-то вроде молитвы или заговора, чего Айк не мог понять.

- Мама, там в глубине какая-то музыка...

- Стой, не ходи дальше. Дай мне факел, сам возвращайся. Иди, найди Арсения. Это не музыка, сынок. Здесь ловушка.

- Мама, прости, но как же я оставлю тебя одну?

- Поверь мне, иди, не беспокойся. Эти пока не знают, что девочка там.

- Откуда такая уверенность?

- Не спрашивай, иди, пожалуйста.

Продолжая раздумывать о словах и поведении матери, он шёл к монастырю. Всё выше и выше, по тропинке, добрался до самой стены, удивляясь, что раньше видеть всего этого не приходилось. И... прямо перед носом закрипела стена, приоткрылось подобие щели, оказавшееся дверью. Оттуда вышел седой старик с добрым взглядом. Внимательно посмотрел на Айка.

- Заблудились, юноша? Ищете кого?

- Ищу, почтенный. Старца Арсения.

- Брата Арсения... Но он ведь вот только что спешно покинул монастырь. Сказал, что мирская женщина позвала на помощь. С юной барышней случилось беда.

- Но как? Я же как раз и должен был ему сообщить...

Старик улыбнулся и достал из кармана мобильный телефон.

- Времена иные, юноша. Ваша мама вызывала его.

- Тогда зачем отправила меня? – Айк почувствовал досаду.

- Чтобы вы не были свидетелем ненужных вам сцен.

- Каких ещё сцен? Там моя невеста!

- Юноша... Послушайте матери. Мы молимся за неё. Да, она родила, вырастила и оберегла вас. Видимо, события опережают её решимость посвящать вас в некоторые тайны. Доверьтесь и не досадуйте на неё. Ей очень трудно. А теперь спешите, вы нужны там. Анабелла выросла здесь, в монастыре. Не зная вас, она о вас грезила. И пожалуйста, спешите. Может быть, случилась беда.

Айка охватила тревога. Пока сообразил, что надо бы расспросить старика, тот ушёл обратно, и стена со скрипом сомкнулась. Айк по своим следам, поспешил назад, к гроту. Там никого не было. Он сообразил, что можно же позвонить матери. Она попросила вернуться домой, и, предвосхищая беспокойство сына за Анабеллу, сказала, что с ней всё в порядке, а потом сразу отключила телефон. Айку стало легче. Добрался до дома уже в сумерки. Мама накрывала на стол, сестрёнка осталась у бабушки, и Айк с матерью были дома вдвоём. Айк сел прямо перед ней:

- Мама, расскажи. Кто ты?

Она, конечно, ожидая подобного вопроса, улыбнулась.

- Сынок, я твоя мама. Мама твоей сестрёнки. Жена вашего отца, Нара.

- Прости, я не об этом. Где Анабелла?

- В монастыре. Она без сознания.

- Почему ты отдаляешь меня от неё. Я люблю её. Помоги.

- Мы оберегаем её. Бог свидетель, о ней забочусь не меньше, чем о вас с сестрёнкой. Наступит время, встретишься с ней, обязательно.

- Разве не мне решать, когда и где увидеть любимую? Тем более трудный для неё час.

- Ты как раз и поможешь решать, как преодолеть барьер, как вернуть её сознание, её душу в её собственное тело. Сейчас она в сфере, витает там вне сознания.

- В сфере? Мама, мы вообще на каком языке говорим? О

чём мы говорим?

- Мы говорим на языке истины о реальности, которую трудно представить в обыденной жизни. Сфера, сынок, это духом приобретённая среда, не подвластная изменениям времени. Но ей и телесно надо пребывать в параллельном пространстве, иначе она в большой беде. Но у неё был выбор. Она выбрала любовь. Выбрала тебя. Отец Арсении рассказал мне о её жертвоприношении. Она ангел. Она не хотела накликать беду на нашу семью.

Мать замолчала, утирая слёзы. И Айк, не зная, что и думать о словах, звучащих как бред, промолчал. Иногда ему казалось невозможным, невероятным, что всё это слышит от родной любимой матери.

- Мама, мне нужно увидеть её.

Нара долго молчала в раздумье, потом вышла из кухни с мобильником. Когда вернулась, её лицо было спокойным, и в словах прозвучала уверенность.

- Да, сынок, ты увидишь её. Не расстраивайся.

- Мама, я её люблю. Ты даже не представляешь, как.

- Представляю. Всё сияет в твоих глазах. Ты же мой сын. А теперь сходи за сестрёнкой и отнеси бабушке кизилового варенья.

Айк встал, поцеловал мать, взял банку варенья и пошёл к бабушке. Ему было невыносимо. От волнения и беспомощности мысли путались. Прежде чем войти к бабушке, подошёл к собачьей будке. Старая кавказская овчарка пару раз гавкнула, но узнала Айку и умолкла. Айк сел рядом и обхватил шею собаки.

- Видишь, пропадаю. Как спасти любимую, как спасти?..

Собака облизала его лицо и руки. Айк погладил её ещё раз, встал и пошёл к бабушке, которая уже ждала у порога. После приветственного объятия Айк передал варенье и спросил о сестрёнке.

- Только что уснула. Там она, в спальне. Пусть спит. А ты садись на диван, побеседуем.

- Бабушка, я чувствую себя скверно. Пожалуйста, давай побеседуем потом.

- О девушке страдаешь?

- А... Тебе мама сказала?

Ветер нашептал, - «Садись, внук. Разговор будет долгим».

- Об Анабелле?

- О твоей маме. Хочешь чаю?

- Нет, спасибо, только позавтракал. А что о маме?

- Сядь и послушай. И куртку сними, не напрягайся так, не казнию же я тебя.

- Бабушка, прости, я скверно себя чувствую. Ты рассказывай, я послушаю.

- Слушай, слушай – и соображай, внук.

Дед водил её по тропинке к журчащей речке, расстилал бушлат на высохшем бревне, в пору половодья прибившемся на берегу. Сажал девочку на колени и громким рёвом усмирял лягушачью какофонию, а потом заводил странную беседу с лягушками, приводя внучку в изумление и восхищение. Старик, обращаясь в пространство, спрашивал о цар-

стве ином, о намерениях ведьмы в ночь на полнолуние, о причинах тревоги воющих шакалов на соседней горе. Потом долго выслушивал чередуемое с карканьем ворон, лягушачье кваканье. Внучка, невольно наблюдая за странностями деда, вскоре и сама стала давать ответы, опережая лягушек. Дедушка невозмутимо выслушивал, спрашивал ещё. Когда внучка утомлялась, возбуждение утихало и восприятие притуплялось, она начала выдумывать ответы. Дед укоризненно покачивал головой, говорил, что нехорошо подводить деда и природу. Потом отводил усталую внучку домой. Зимой, когда уже не слышалось никакого кваканья, дед всё равно шёл с ней к полусонной, иссякающей речушке. Лишь сновидения, текущая вода и тишина. Дед всматривался в вечность, а внучка грезилась, грезилась... Летними вечерами дед разводил на берегу костёр – под мерцающими звёздами, огромной луной, кочующими по небосводу облачками. Потом дед становился на колени, возводил ладони к небесам и молился, молился... Внучка, подражая ему, опускалась на колени рядом, поднимала ручки к далёким туманностям и шептала сокровенное. После молитвы дед раскладывал у костра скатерть, из походного мешка доставал еду, и начинался поздний ужин. Иногда появлялся из темноты лесник, близкий друг деда, здоровался, присаживался рядом, рассказывал о лесных делах и выпивал с дедом по рюмочке тутовой водки. А девочке рассказывал сказки о лесных обитателях. А также всякие лесные были, например, как дряхлая мед-

ведица много-много лет охотилась за местным охотником, когда-то пристрелившим её медвежат, хотя охотник давно покинул эти края. Потом старики вели разговор о странных вещах, и утомлённую девочку тянуло ко сну. Дед окутывал её бушлатом, и она медленно погружалась в царство сна. Сновидения казались ей совсем странными, но это было другой жизнью, с которой она постепенно свыклась. Дед говорил, что надобно засыпать вовремя, чтобы не прозевать жизнь в царстве сна. Ещё говорил, что тамошняя реальность неподвластна времени: можно быть то взрослым, то младенцем. Даже умирающий, но не потерявший свою душу, способен осознать себя, выскользнуть из роковых обстоятельств в иную реальность. Или, наоборот, возвратиться оттуда в привычный мир, подвластный времени. Иногда, после обычной тутовки, вспоминая о померших давно и недавно друзьях, старики начали плясать вокруг костра, а она глядела с любопытством и странным пониманием, что это совсем не похоже на танцы для утехи публики. Выспрашивала деда, он беспомощно разводил руками, горестно повторяя, что не всё можно объяснить словами, хотя утверждал, что вначале-то действительно было СЛОВО – но это было начало мира живых, а мир ушедших – это другое, мы чтим их древними ритуалами, которые и есть язык души. Потом старики вели беседу о странных вещах, от чего её опять тянуло ко сну. Дед укладывал её на бушлат, накрывал, и она засыпала. Просыпалась уже дома, на своей кровати. Всё это осталось толь-

ко в воспоминаниях. Когда дед внезапно умер, её определили в детский дом. Родителей у неё не было: когда-то её, совсем маленькую, дед обнаружил у порога, взял к себе, через знакомых выправил документы будто бы своей внучки, и вдвоём со старухой стал заботиться о ней. Частенько заходил лесник, приносил то сладости, то фрукты, то одежду. После смерти деда лесник думал удочерить её, но так как у него ни жены, ни детей не было, ему отказали. Не отказали другим – семье, которой, как оказалось, нужна была безропотная малолетка для ухода за скотиной и работы по дому. Девочка долго терпела побои, ругань, наказания. Маленькая, перепуганная, она ночевала в пристройке возле коровника. Единственным утешением было присутствие в доме трехлетнего безобидного малыша, хозяйского сына. Когда ей пришло время идти в школу, хозяева и не подумали об этом. Она смотрела на ровесников, каждое утро спешащих мимо двора, и однажды впала в истерику, не успокаивалась даже после пощёчин. Чтобы избежать лишнего шума, её пристроили в психушку. Первое время ей там показалось даже лучше, но вскоре начал домогаться один из охранников... Случайно её увидела в клинике родственница лесника и немедленно ему позвонила. В ту самую ночь, когда пьяный охранник потащил строптивую девочку за волосы в свою спальню, лесник, пробравшийся внутрь лечебницы минуя охрану, увидел происходящее и без зазрения совести перерезал охраннику горло, а девочку увёл в родные края. Но не в деревню: там её

многие знали, и могли проговориться при поисках. Он приютил её в своём охотничьем домике недалеко от монастыря. Нашёл одежду, еду. Когда девочка более-менее успокоилась, повёл в монастырь. Узнав о судьбе девочки, и тем более, чья она внучка, её там приютили, окрестили Нарой в честь дочери одного из членов братства – трагически погибшей юной обворожительной Татарочки, отец которой после этого бросил научный институт и принял постриг. Первое время Нара привыкала, наблюдала. Жизнь монахов, или как они себя называли, братьев, была аскетической и умиротворенной, но, по представлениям Нары, монахи должны днём и ночью молиться Господу и заниматься хозяйством, а тут было и другое. Да, молились, и Божья книга часто бывала в их руках, но иногда некоторые переодевались в странные одеяния и на недели исчезали, выйдя за мощные, скрипучие железные ворота. Хотя было очень и очень интересно узнать, куда пошли братья, Нара не могла этого видеть. Но её всё более занимало обучение у одного из братьев понимание голосов природы: шума леса, гвалта пернатых, начертанных облаками образов, затишья перед бурей. А ведь были ещё обычные уроки. Иногда с братьями она собирала грибы и ягоды, варила варенья или солила огурцы и помидоры, сушила грибы, ягоды, фрукты. Но основное – учёба, углублённое изучение школьной программы. А потом, постепенно, на грани восприятия – уроки волшебства, голосовое воздействие на лисиц и иных зверей. В полнолуние имитировать

волчий вой, чтобы вскоре приблизилась к обители стая волков, и они выли бы с ней на луну. Тем временем девочку повсюду искали, подозревая её в убийстве охранника. Выдала лесника семья усыновителей, указав, что он искал её. Лесник не отрицал, что охранника убил он. На допросах сказал, что дал девочке денег и поездом отправил в столицу. Лесника посадили. Когда монахи рассказали об этом девочке, она зарыдала. Монахи достали для неё документы как племянницы одного из них. В пору обучения и познания тайн, общения со звёздами и медитаций на луну, её захватила мысль о том, что зло надо наказывать. Осенней дождливой ночью, войдя в медиативное состояние, она, заранее определив расположение дома удочерившей её семьи, тайно вышла из обители с канистрой бензина и зажигалкой, и в сопровождении лисиц пошла вершить правосудие. У дома разлила бензин, и в то мгновенье, когда оставалось чиркнуть зажигалкой, увидела облик младенца у окна. Маленького ангела, которого она любила и лелеяла, когда жила в том доме. Ужаснувшись своему замыслу, она выкинула зажигалку и ступила в лесную тьму. Но до этого её заметили из патрульной машины – отдежурившие смену двое милиционеров и ещё журналист. Остановились, выскочили, окликнули. Она остановилась и обернулась, и они опешили от того, что увидели. Юная, лет четырнадцати, с длинными кудрями, босая, в осеннюю стужу, в одном платье, вся мокрая, она смотрела на них и улыбалась. На вопрос, что она делает в глухую ночь вдали от

деревни, девочка засмеялась и ответила:

- Дяденьки, вы молитесь Боженьке. Он вас простит.

И вдруг завыла по-волчьи, и ей откликнулось всё пространство. Пока милиционеры с журналистом оторопело наблюдали за происходящим, стая волков окружила девочку, и она со стаей удалилась в темень леса. Журналист, не раздумывая, кинулся вслед.

- Парень, не глупи, вернись. Там стая волков. Мы же сдали оружие. Утром поищем останки. Вернись, говорю.

Но окрик не подействовал. Парень, то падая, то поднимаясь, шёл за стаей. На середине лесной поляны, задыхаясь от волнения и усталости, рухнул на землю. Когда он приподнял голову, над ним стояла та девушка.

- Почему ты идёшь за мной?

- Там волки. Спасать тебя.

- Спасать меня? А ты не боишься волков?

- Я? Боюсь, ещё как. Но не думал об этом.

- Ты тоже милиционер?

- Нет, я журналист, практикант. Учусь в институте. Ты вся мокрая. Надень мою куртку.

Парень поспешно снял куртку, встал, накинул на плечи девушки.

- Спасибо тебе. Хорошо, что ты есть. А я в молитве. Мне не страшны ни волки, ни стужа. Через год тоже поступлю в институт. Ты не бойся леса. Сейчас я проведу ладонью по твоему лицу, ты присядь и подожди друзей. Только не рассказывай о нашем разговоре.

- Мы ещё увидимся? И расскажи о...

Парень не успел договорить и заснул. Девушка накрыла его же курткой, решила, что через пару деньков он вылечится от простуды, поцеловала в щёку и ушла. Тем временем милиционеры вызвали по рации наряд и обшаривали окрестность. На поляне нашли спящего журналиста. Ничего не поняв в его бормотании, почему он уснул под ливнем, вернулись обратно.

Молодой журналист действительно за пару дней вылечился от простуды и немедленно начал разыскивать обительницу

лесов. Из разговоров с местными он быстро вычислил судьбу удочерённой девочки и понял, что она, спасаясь от тех, кто называл себя правосудием, и от тех, в ком человеческого осталось только безразличие, ютится в лесу одна среди зверей. Вспоминая её фигурку и сверкающие глаза, её умиротворяющий голосок, ничего ещё толком не осознавая, он впустил её в глубину своей души, и тревога и постоянный поиск стали его наваждением. Он поселился на окраине села, у одинокой женщины. Рано утром, взяв рюкзак, не обращая внимания на наступающие холода, он шёл к лесу и до самой темени пропадал там. Самым любопытным показывал журналистское удостоверение и бумажку с печатью из местной милиции, где проходил стажировку, что находится на задании. Но никогда не обмолвился, что ищет пропавшую девочку.

На второй неделе, обессиленный от постоянной ходьбы и грянувшего ливня, он нашёл убежище в каменном гроте, и под монотонный шорох дождя скоро уснул. Там его, плававшего жаром простуды, нашли и разбудили монахи и отнесли в монастырь. Он долго бредил о спасении девочки. Наутро пришёл в себя в незнакомом месте и первое, что заметил – личико той незнакомки, глядящей на него с тревогой и нескрываемым благоговением.

- Слава Боженьке, вы проснулись, – с радостным блеском

в глазах произнесла она.

- Как я здесь оказался? Простите, пожалуйста, я не мог бросить поиски, я искал тебя. Я... То есть, здравствуйте...

- Я никогда не забуду ваш поступок, но вам сейчас надо думать о вашем здоровье. Вот, пожалуйста, выпейте эти настойки. Брат Илларион назначил.

Девушка подала кружку. Парень взял, глотнул, и с гримасой отвращения, хотел вернуть кружку. Но девушка настаивала:

- Пожалуйста, выпейте всё, тогда быстро поправитесь, правда. Мне тоже приходилось это пить.

Убеждение подействовали, и он выпил. Потом попросил воды, она принесла.

- Где мы? – спросил он после долгого молчания.

- Об этом брат Илларион скажет. Он придёт вас осмотреть.

- Подожди, не уходи. Скажи, не страшно дружить с волками?

- Какими волками? – Девушка улыбнулась.

- Теми, которые окружали тебя. Тогда, ночью.

- Это всё тебе почудилось.

- Всё шутишь?

- Я правду говорю. Тем более, вам.

- А почему мне только правду?

- Потому, что... Простите, вы смущаете. Ладно, всё равно скажу. Все эти дни вы старались найти меня, спасти. Даже милиция так не делала, хотя это их обязанность.

- А... Откуда ты знаешь?

- Братья по обители рассказали. И всё время, когда находились вы в лесу, повсюду я была рядом. Даже указывала путь, чтобы не заблудились.

- Сейчас точно выдумываешь. Как это указывала путь?

- Очень просто. Вы же шли на голоса зверей, и мне при-

шлось заманить такими голосами, выводить на лесные тропинки. Вы же совсем городской. Природу не понимаете, в лесу вели себя неправильно. Шли, непонятно куда. Иногда я даже сердилась, и сама вела себя по-глупому. Даже твои конфеты утащила, каюсь. Но... Последний поход не смогла сопровождать. С братом Илларионом в город ездила. Купили мне учебников, чтобы в институт готовиться.

- Будешь учиться в городе? – радостно спросил он.

- Дистанционно. Так интереснее. А что непонятно, спрошу у братьев.

Девушка умолкла, видя, как погрузнел парень. Она поняла и улыбнулась.

- Значит, мы в обители. Я мог догадаться. Значит, скоро меня выпроводят отсюда, и я больше тебя не увижу. Пожалуйста, скажи что-нибудь. Я же всё равно буду искать тебя. Я не представляю, как буду жить иначе.

Девушка, порозовевшая от смущения, не знала, что ответить. Парень привстал, схватил её ладонь:

- Пожалуйста, не вычеркивай меня из своей жизни, пожалуйста...

- Обещаю, мы будем друзьями.

Увидев в дверях брата Иллариона, девушка высвободила ладонь и вышла из комнаты.

- Здравствуйте юноша. Как себя чувствуете? – Илларион приблизился и опустился на стул.

- Здравствуйте. Немного голова кружится, и дышать тяжело. Простите, вы, наверное, доктор? Девушка что-то сказала, но я не понял.

- Да, наверно так можно определить, если окончание медицинской академии может определять это звание.

- Извините, я просто спросил.

- Юноша, не надо пренебрегать собственным телом, а значит и собственным здоровьем. Не своей волей мы являемся на свет, и уход наш не нам определять.

- Доктор, чем я заслужил такой упрёк?

- Что ж, раз вы не настроены на откровенную беседу, послушаем ваши легкие. Скажите, раньше вы имели проблемы

со здоровье? Спрашиваю, потому что у меня нет вашей медицинской карты.

- В прошлом году лежал в больнице, что-то с лёгкими.

Ничего не говоря, монах прослушал лёгкие парня, сделал пометки в тетради и задумчиво сказал:

- В больницу. Нужно сообщить вашим родным.

- Я из детдома. У меня никого нет. Учусь на последнем курсе журфака. Доктор, я лучше уйду.

- Так нельзя, юноша. Я вызываю неотложку. Они меня знают, и вас поместят в больницу. Так что полежите, Нара принесёт завтрак.

- Это её так зовут, да?

- А вы не пожелали знакомиться? У меня создалось другое впечатление.

- Так получилось. Умудрился не спросить имени.

- Имя, юноша, это врата к личности, на все времена и безвременье... Ладно, пока полежите. Но вам обязательно надо

провериться. В легких странный шум.

- Спасибо, брат Илларион. Мне не надо в больницу. Я знаю свою болезнь.

- Что именно вы знаете, позвольте полюбопытствовать?

- Многое. Название болезни, сроки...

- Молодой человек, если у вас даже есть веские основания так рассуждать, то не богохульствуйте над собственным телом. Тело есть одеяние души, и ваша обязанность до последнего дыхания сберечь его.

- Этим и занимался последний год.

- А то, что промёрзли в зимнем лесу?

- Я всего лишь старался спасти невинную душу.

- Понятно, простите... Понятно. Еду принесут, поешьте и поспите. Так надо.

Илларион вышел, всё ещё размышляя над словами юноши. Вошла Нара, поставила на стул поднос с куриным супом, дольками сыра и стаканом компота.

- Спасибо, Нара. Но нет аппетита.

- Узнали моё имя, – улыбнулась девушка. – Я не отстану, пока не съедите суп. Отчаянье – грех. Пожалуйста, попробуйте. Я сама варила. И... можно спросить, как тебя-то зовут?

- Игорем зовут. Имя не столь обворожительное, как ваше. Нара. Будто принцесса из мира сновидений...

- Вы меня смущаете. При чём здесь сновидения? Обыкновенное имя. Вы видите в нём что-то странное?

- Да, странное. В сновидениях воля опережает действие, я свободен в выборе. Но постепенно кошмары поглощают видения. Болезнь сужает воображение, наполняет его мрачными оттенками. А имя ваше действительно завораживает.

- Спасибо на добром слове. Скажите, а кошмары часто бывают?

- В последнее время постоянно.

- Жаль. Но ничего. Вылечат, поздоровеете, и снова вернутся чудесные сны. А сейчас поешьте, пожалуйста.

- Мне бы сначала умыться. И голова кружится.

- Встаньте. Вот так, обопритесь на меня и пойдёмте, я поведу.

Нара подвела больного к умывальнику.

Потом, проходя мимо кельи брата Иллариона, услышала его разговор с другим монахом:

- Осмотрел, да. Ничего утешительного. Парень сам прекрасно понимает, что обречён. Отсюда все странности.

- Наоборот, всё понятно. Влюблён в Нару.

- Детдомовский. Я спрашивал. У него никого нет.

Побледнев от услышанного, Нара пришла к себе, в комнату, села за стол. Она думала долго об обреченности парня, и что-то новое будоражило её душу, кроме боли и щемящего чувства безысходности. Когда брат Илларион постучал, она тихо плакала. Быстро вытерла слёзы, открыла дверь. Илларион заметил её состояние. Понял всё, но не подал виду.

- Что с тобой, доченька. Не заболела?

- Я не больна, брат Илларион. Скажите, а он действительно очень плох? Ну, этот, детдомовский?

- Ну, теперь понятно, почему плакала. В больнице обследуют и точно скажут, насколько плох. Насчёт родителей окончательно ничего не могу сказать. Сейчас приедет «скорая», увезут его. Зайди, попрощайся. Он хотел увидеть тебя. Только умойся, пусть не думает, что ты знаешь о его болезни.

Когда Нара вошла, Игорь был одет, готов к отъезду и разговаривал с одним из монахов. Когда Нара вошла, монах удалился.

- Вы уезжаете... – только и смогла произнести Нара.

- Да, уезжаю, сестрёнка. Одна большая просьба к тебе: я отдал запасные ключи от моей квартиры брату Игнатию. Через какое-то время, когда сообщат, что я уехал в другую страну на постоянное проживание, квартира останется тебе. Прости, я знаю твою историю. Выполни моё последнее желание, прошу тебя.

- Неправда, неправда, ты не умрёшь. Пожалуйста... – Нара ринулась к парню, обняла его, и долго не отпускала. За стенами монастыря слышались гудки машины.

- Похоже, приехали, – сказал вошедший брат Игнатии. Игорь погладил кудри Нары, и когда распались её объятия, встал, грустно улыбнулся и попрощался.

- Постараюсь выздороветь. Береги себя.

Он вышел с Игнатием. Нара ещё долго глядела на поворот дороги, за которым скрылась машина скорой помощи.

Что есть истина души среди мириад истин, существующих в Божьем пространстве? Для юной девушки, доселе воспринимавшей мир из оков страдания, настала иная пора, пора муки за дорогого сердцу человека.

После ухода парня она всю ночь думала о нем. Её душу окутал образ юноши. Переживания о его поступках и мыслях приближали его, он становился родным и любимым. Из кельи, которая казалась узилищем чувств, она выбежала во двор, где мартовские снежинки, может последние, предвесенние, тихо падали на землю.

- Выбор за тобой, дочка, – сказал наутро брат Илларион Наре, – На этом свете он, не жилец. Чистая, незапятнанная душа, чистые помыслы. Но недуги тленного тела унесут его в могилу.

- Я не могу даже слышать это. Для вас, брат Илларион, может, всё и очевидно. Вы наставник, вы спасли меня, заботились обо мне, приобщаете к тайнам иной реальности. Я останусь вашей ученицей. Вы говорили, что я совсем юная, что мне дано вникать в смыслы Божьей книги, что у меня дар преодоления вселенского запрета и открытия завесы неведомых тайн. Но я не могу отвернуться от человека, пытавшегося спасти меня. Если можно, я буду навещать его, помогать. Пожалуйста, брат Илларион.

- Дочь моя, ты жемчужина нашего ордена. Я рад твоим словам. Конечно, навестим и поможем. Его повезли в инфекционную больницу. Посещение только в выходные. Пока готовься к экзаменам, успокойся и сосредоточься, не поддавайся эмоциям. Вирусы сознания полностью подчинят себе твой разум, и ты проживешь жизнь подобием полусонного бреда. Будь мудрее.

- Брат Илларион, вы говорили, есть понятия благодарности и преданности. Я лишь хочу помочь ему. В душе моей не то чувство, на которое вы намекаете. Только сомнения и растерянность. Раньше перед моими чувствами и мыслями наподобие ширмы маячила обида на тех, кто меня удочерили. Я даже хотела сжечь их дом.

- Знаю, мы наблюдали за тобой. И мы не допустили бы трагедии. Но ты сама спасла себя. Я имею в виду чистоту твоей души. Да, трудно среди людей жить по заветам. Но и не нужно осквернять душу. Иди в трапезную, поешь. Братья всё приготовили. Иди, дитя. И спасибо за твоё откровение.

- Как хорошо, что вы меня понимаете, брат Илларион. Сейчас пойду. После обеда помогу помыть посуду и прибраться кухне.

После нескольких недель в больнице Игоря выписали с направлением в санаторий. Открывая дверь своей квартиры, он изумлённо почувствовал запах свежести и домашней еды. Снял обувь, переобулся, вошёл и не поверил глазам. Посередине комнаты, на столе, разнообразная еда. У стены, на диване, спящая Нара. Голова на подушке, кулачки у щёк, она выглядела подобием ангела. Он с нахлынувшей в душу радостью опустился на стул. От шума на улице Нара проснулась. Увидела его.

- Ой, здравствуй. Уже пришли. Простите, я уснула, – выпрямившись и вскочив с дивана, залепетала она.

- Здравствуй, Нара. Ты сядь, пожалуйста. И не волнуйся.

- Спасибо. Мы с братьями хотели встретить вас с радостью. Простите, не предупредили.

- Я благодарен, очень, и тебе, и братьям. А что же там приготовила. Восхитительный запах. Можно попробовать?

- Да, конечно. Это всё для тебя приготовил брат Игнатий. Я пока ещё не очень умею. Мама ваша, наверное, вкуснее готовит.

- Мама? К сожалению, у меня нет родителей.

- Как? – Нара побледнела, – Так ты и вправду из детдома?

- Я сразу понял, что искать меня никто не будет.

Нара подошла и обняла его. На её глазах показались слезинки.

- Я вырос в детдоме. Родители погибли в аварии, когда я был ещё маленьким. Это отцовская квартира. Так что, если...

- Пожалуйста, пожалуйста, не продолжай. Сядь за стол, пожалуйста...

- Но и ты сядь, сестрёнка. Не нужно так расстраиваться.

- Спасибо за сестрёнку. Ты не думай о плохом. Я знаю, тебя вылечат. Я помогу оттуда. Я дала слово. Мне обещали.

- Нара... Ты о чём сейчас? Откуда ты мне поможешь? Ты уезжаешь?

- Нет, нет. Не обращай внимания. Поешь, пожалуйста. Я скоро должна уйти. Пожалуйста, иногда вспоминай обо мне. Больше обо мне некому вспоминать.

- Ты пугаешь меня, Нара. Что случилось? Тебе угрожают? Кто эти братья? Почему я раньше не слышал о них?

- Не думай о них плохо. Они вершат Божий промысел. Они вылечат тебя. Больше я не могу пока сказать. Так положено. Сейчас всё это очень сложно объяснить. Я уже давно под их опекой. Они служители идеи. Об этом, сколько ни объясняй, всё равно будет как сказка. Но они и меня кое чему обучают. Не улыбайся, правда.

- Например, чему? Хотя бы для примера. Скажи, пожалуйста.

- Кажется, сейчас ясное небо, правда? Через минут де-

сять прогремит гром... Скоро, за окном появится стая ворон. Каркнут и улетят. Опять улыбаешься, не веришь. Ладно, подождём. Я потом скажу, о чём ты думаешь.

- Нара... Я думаю о тебе. Правда, только о тебе.

- Неужели? - Нара покраснела. Из-за окна послышался отголосок далёкой канонады грома. Внезапно у окна в хаотичной круговерти закружилась стая ворон, закаркала и так же внезапно исчезла. Игорь замер и с благоговением посмотрел на Нару.

- А это обычные монахи или секта какая-то?

- Они... Ну я же просила, пожалуйста. Дедушка мой был из них. Только из-за этого они приняли меня. Они – проводники в параллельные пространства, в сонное царство, в зазеркалье.

- И ты поверила этим монахам? И к чему приведёт это обучение? Станешь экстрасенсом или гадалкой?

Нара грустно глянула на него, не отвечала, и лишь тихо произнесла:

- Только одна просьба. Помни обо мне, пожалуйста. Я бу-

ду жить ради тебя. С тобой ничего не случится. Твоё нахождение здесь это иллюзия твоего воображения. Сейчас ты уснёшь, а проснёшься в больничной палате. Только не пугайся. Разве раньше у тебя не было чувства, что происходящее когда-то уже было? Так всё и воспринимай. И мою преданность, и привязанность к тебе. Не ищи монастырь. В земной реальности там лишь лесная поляна и развалины. Прощай...

- Нара, Нара... – просыпаясь в больничной койке, отчаянно закричал Игорь. Медсестра и другие больные удивлённо глядели на него.

- Кошмар привиделся? Успокойтесь, молодой человек, попейте воды, – медсестра подала ему стакан. Игорь выпил, пытаясь успокоиться. Но ещё долго не смирился с видением. Или с явью? Он не понимал и не хотел смириться с этим необъяснимым явлением. Он даже ощущал присутствия запаха и теплоты Нары.

- Скажите, сестра, разве меня не выписывали?

- Раз лежите в палате, значит не выписывали. Скоро лечащий врач скажет обо всем. Пока успокойтесь, подождите.

- А... Как я здесь оказался?

- Молодой человек, вы, наверно, ещё не проснулись, или с утра у вас лёгкая амнезия. Не волнуйтесь. Всё хорошо, сны улетучились. Воды хотите?

- Если это не сон, то почему вы вновь являетесь в моей реальности? Что, это игры такие? Или происходящее, ваше сновидение, и я случайно присутствую в них.

Вошёл лечащий врач. Все утикли. С легкой дрожью в душе, Игорь представил поведение врача, его слова. Сбывалось пережитое. Всё повторялось вновь.

Вскоре его выписали из больницы. Игорь, с необъяснимой радостью возвращался домой в надежде что там обнаружит Нару. Открывая ключом наружную дверь и войдя в прихожую, услышал чей-то кашель. На кухне, у стола накрытого едой, увидел брата Иллариона. Даже не поздоровавшись, спросил о Наре.

- О Наре? Юноша, она стала платой за ваше здоровье.

- Как всё это понимать. Что за плата такая. Собственно,

вы можете толком объяснять. Что, возвращаемся к временам беззакония?

- Угомонись, юноша Пожалуйста. Вопрос идёт о духовной жертвенности. Не так давно, кажется, вы старались помочь ей. Она, не осознавая, привязалась к вам и, как благодарность, взяла на себя определённые обязанности перед братством. Поймите, это ни к чему вас не обязывает. Поверьте, вы можете просто позабыть о ней.

- А она готова позабыть? Надеюсь, ничего плохого с ней не случилось?

- Всё не так просто. Кроме вас, её ничего не привязывает к нашей реальности. Если-бы не ваша благосклонность и терпение, то она, в скором времени, растворилась-бы в иной реальности.

- Она... умрёт? Простите, что думал о плохом.

- Смерть, юноша, это стирание из матрицы, образа личности. Если проще сказать, это перемещение души, образа носителя её, в иные реалии, до вступления в игру самой смерти. А дольше смерти — одно, Божья воля.

- Вы странные вещи говорите, брат Илларион. Может, и

моё выздоровление является иллюзией.

- Раз вы так считаете, то живите долго с этими вашими иллюзиями. Мне более нечего сказать. Прощайте, юноша.

- Не сердитесь, брат Илларион. Что я могу сделать для блага Нары?

- Жить своей жизнью. Ни к чему не обязывающей. И, не забывать её. Иногда, по зову души, молиться в церкви. Если откроется окно, мы вам сообщим. Но, чтобы явилась она, вы должны быть подготовленным, чудовищно разрушающая психика явления гнетуще воздействуют на вас.

- Брат Илларион, по словам вашим, по интонации, по взгляду понятно, что вы не надеетесь на меня. И вы сами собираетесь молиться за неё. Разве я давал повода для сомнений в моей искренности. Если это правда, что я вылечусь, то смогу и отблагодарить.

- Слова, слова... Слышишь, юноша... Душа твоя глуха, слепа, Без Божьей искорки. Не оторваться тебе от царствия иллюзии и сновидении. Излечи раны своей души, освободись, восстановись в молитве, и радости земные, и страсти земные пусть благоухают в твоей душе. Лишь тусклые искры ныне полыхают там. Светлая ты натура, не грешен, и добродетель

в помыслах твоих. Я поклоняюсь пред тобой. Старайся, излечи душу, и этим, приобретешь путь к Наре. Спасение её в твоих помыслах. Значит, быть вам парой в жизни, и преданными нашему делу.

- К чему, интересно, к чему призываете меня, брат Илларион. Разве добродетель не может быть бескорыстна. О какой любви говорите, если стремление моё помочь ей, идёт от моего сердца, от обыкновенной порядочности, сострадания, от опыта собственной судьбы. Не хотелось прожить жизнь с осквернённой моралью, оправдывая действие, скорее бездействие к судьбе другого человека. Тем более, юной девушки.

- Юноша, юноша... Если бы люди обладали понятийным аппаратом истолкования сакральной стороны собственной души, а не исходили чувственными порывами нравственного составляющего собственного эго, то выяснилось бы, что исходной первопричиной, всегда является любовь. И только любовь. Быть рабом телесного, инстинктивного уровня сознания, это слишком архаично. Время пройдёт, и вы осознаете собственные заблуждения, кажущиеся действительностью. Тогда окажетесь пред бездной незнания, и безмерно страдая, вновь впадете в западню вековым заблуждениям. Но, поверьте, в судный день, ужаснувшись от незримых оков своей среды, сбросите всё угнетающее, возвратившись к целомудрию души, к той искорке непоколебимой и непо-

рочной истины, дающей смысл вашей жизни.

- Я понимаю, брат Илларион, как вы сказали, подобное состояние именуется любовью. Людской или божественной. Каюсь, но подобные чувства окутали и мою душу.

- Именно, именно, юноша. К этому разговору хотелось вам привести. Жизнь парадоксальна по своей сути. Нара наша подопечная. Дочь одного из братьев нашего ордена. Вы помогли ей выйти из духовной немоты. Она смотрит, она думает о вас, теми волшебными чувствами любви. Но она не знает, взаимно ли это. Она страдала, она ранима. Если даже сойдутся ваши судьбы, то когда-то в будущем, придётся отплатить ордену, скорее помочь ордену отстоять истину перед настигшим злом. И именно вы, а не она. И что вы скажете. Готовы ли вы, подобной жертвенности?

- Простите, я в замешательстве. Я не верю на такое чудо. Но если таковое случится, то я всегда готов.

- Жертвенность обозначает служение добру. Это тернистый путь. Темень небес велика. К сожалению.

- Не так велика, как любовь...

- Бабушка, Вы сейчас сказку мне рассказали, или всё сказанное, и вправду о моих родителях?

- Да, внучок. О твоих родителях. Я родная сестра приемной дедушки Нары. После женитьбы с твоим папой она искала и нашла меня, и больше не отпустила в моё одиночество. Ведь у меня больше никого кроме вас.

- Моя милая бабушка. Роднее тебя и не бывает. Ты никогда не сомневайся в нашей любви. Я обожаю тебя - Айк встал, обнял старушку.

- Теперь ты знаешь историю своей семьи. А твоя... Прости, сынок, хотелось сказать, это ходьба по краю пропасти, именуемой судьбой, только начинается. Не всякому дано перебороть в себе, находясь в мире людей, козни нечистой. Но она сильна, наша Анабелла. О том говорят её тёмные глаза, сравнимые со вселенской бездной. Возьмись за дело, брось в сторону телячье твоё благоговение, борись за нашу Татарочку. Отец её, Селим, был руководителем группы археологов, по старинным картам искавших чего-то странное в наших ущельях, не так далеко от берега моря. В тех бесчисленных пещерах, в верховьях ущелье, говорят, было поселение древнего человека. Но странным образом, всю группу геологов,

в том числе твоего отца, увезли куда-то пришедшие за ними люди в форме. И доньше, от них ни слуху, ни духу. Может быть маме твоей известно большее. Не могу сказать. У неё много других тайн.

- Моя Анабелла... Бабушка, спасибо тебе за увещевания, но как могут случиться эти странные вещи в нашей действительности? Реальная жизнь, кажется, совсем не похожа на сказку.

- А что если это не сказка. И что есть другая реальность? Тиканье часов на той стене, фиксирующее убиение мгновений твоей действительности. Следи за сновидениями, попробуй в них обосновываться, как в данной реальности. Для души, знай, повсюду одна реальность, Образом и подобием Отца нашего, в телесном обликии. Сознанием твоим земным не смиришь душу. Так что, придется дерзать, внук мой.

- Бабушка... Ради Анабеллы, я готов ко всему. Обязательно узнаю, куда пропали наши родители. Обещаю.

- Внучек, о нашей беседе маме ни слова, хорошо? Она будет волноваться за тебя. Не очень настаивай на своём. Будь милосерден к её мнению.

- Странная она, моя мама. С такой историей я её больше

люблю.

- Любовь, это чувство привязанности и преданности. Ладно, мы долго говорили. Не стоит будить сестренку. Утром приведу. Завтра выходной. Не надо ей идти в школу.

- Как скажешь, милая бабушка. Пойду, поразмыслю над всем услышанным. Ужель исчезновение отца, это обещанное Арсению, поступок его? Может такое быть, бабушка.

- Я не знаю. Правда, не знаю. Жизнь странная штука. Порой кажется, не живешь, а кто-то за тебя проживает. Тем самым, определяя твои поступки, подталкивая тебя к ним, к чему, твоя иная натура никогда бы не преследовала. Страхом пред вечностью, иногда и яростью, может и трусостью, осознав о неминуемости, терять свою телесность... Хотя, что оно такое, вечность? Не прожитые времена прошлого, или будущего? Может Владыка небес, с врат сонного царства сбрасывает в память образы оттенков предвестия к событиям, невзирая на нашу волю. Действо есть определение смысла, совершаемое наяву. А действо в мыслях? Цепляя единичное за хвост, не истолковать Божьей мудрости. Не получится.

- Бабушка, иногда не понять тебя. Я говорю про отца, а ты о времени, утраченном не по воле. Мы же все в этом потоке

пространства. В нашей телесности, данных нам мгновениях вечности, как объять бездну духовную? В уединении? В медитациях?

- И в любви, и в сражениях духовных. Иного не дано. У кого душа, у кого тьма. Тебе пройтись путями мытарств, одолеть заблуждения.

Раннее утро. За оконными шторами отблески зари. Анабелла проснулась. Отрешённо, долго глядела на потолок. Постепенно, собравшись мыслями, оглянулась вокруг.

Безвременье, нахождение в параллельных реальностях докучали её. В комнатах, кажущихся действительно земными, полная обстановка уюта и удобств. Странно, но прогулки с отцом Илларионом по набережной, подобно тени, среди отдыхающих прошлых времен, докучали её. Беременность проходила без осложнения. Отец Илларион обещал привести опытного врача. Эту новость обрадовала Анабеллу. Ей запрещено было отдаляться от территории жилища, выходить на трассу.

Купалась в море, наблюдая за далёкими, ночными фарами проезжающих машин, вонзившие лучи фар, в окружаю-

щее пространство, особенно в извилинах дорог. Обычно, выходили на прогулку, при закате солнца, когда на берегу отсутствовали отдыхающие. Нельзя было сталкиваться с обитателями прошлого. Её лишь замечали бродячие собаки, или кошки, странно фыркающие и удиравшие поодаль. А собаки поднимали несусветный вой. Она понимала, что является к ним как видение. Она понимала, что люди, проходившие мимо, давно отбыли в мир иной, или единицы из них доживают свой век, в её реальной времени. Подобно фильмам о старых временах, повсюду встречались похожие персонажи. Утомлённая в своих наблюдениях, она перестала думать и анализировать. Бесцельно прогуливаясь по пляжному мелкому гравию, времена которого были бесконечно длиннее жизни людской, и не шуршали под тяжестью её ножек, Анабелла умиляясь явлениям прошлого. Она действительно старалась обходить человеческие облики, телесно соприкоснуться с ними, чтобы, как предупредил отец Арсений, не являться в их прошлых сновидениях, и потом, тратить время вырваться оттуда. Всё казалось подобием стереофильма, вокруг кипящая жизнь, действие людское, а она всего лишь наблюдатель. Иногда долго задумывалась о своём выборе. Впала в отчаяние, но вспоминала наставление Учителя, что один из путей гибели души, вера в отсутствие ценностей, инициированной сознанием. Нигилизм губительнее, чем заблуждение в выборе пути. От всяких заблуждений можно было воротиться к пути истинному. Понятно было, что вся-

кая душа, осознающая себя в Божьем пространстве, знает, что время наступательно в движении, что телесной оболочке не воротиться в собственное прошлое, что воды времени утекли, что оно материально, и подвластно вселенским законам. И сколь бы не витать в зазеркалье, в сновидениях, то не изменять вложенный судьбой свой путь. А что душа? Для души каждое перевоплощение — подобно сновидению. Душа созерцает в людском сознании свои собственные сновидения. Опять этот запах цветов катапальмы. Анабелла долго, глубоко вдыхала завораживающий аромат цветов этого южного растения, и возвратилась в своё обиталище, так как почувствовала под сердцем удары ножек близнецов. «Балуются шалуни, подумала, но и боялась, что она родит в этом прошлом времени, в его владениях, и новорожденные могут быть подвержены влиянию зазеркалья, и вовеки не воротиться им с мамой, в мир её реальности. Быстренько зашла внутрь обиталища, захлопнула дверь за собой, присела на диван, успокоилась. И малыши успокоились, дали отдохнуть маме. Но отдохнуть не пришлось. С темной стороны коридора, где обычно являлся Отец Арсени, зашевелилась шторка, отделяющую коридор от тёмной впадины. Пока Анабелла встала с дивана, перед ней явился Арсений.

- Дедушка, вы вернулись. А я всё переживала, ... - радуясь она обняла старика.

Илларион опустил на пол тяжелый рюкзак, погладил её голову. Присели на диван. Он притянул рюкзак к себе, отвязал узелок, достал из рюкзака стеклянную банку, полную земляники. Анабелла обрадовалась, раскрыла крышку, попробовала, потянула и Иллариону, но тот отказался.

- Доченька, я не спрашивал, как себя чувствуешь. Но видно, что неважно. Грустные у тебя глаза.

- Я стараюсь не волноваться. Ради моих малышей. Дедушка, акушера не смогли привести? До родов мало осталось времени. Это вы лучше меня знаете.

- Понимаешь, дитя. Не хотелось ещё кого-то подвергать опасности. Рано или поздно, она проболтала бы на земле о своих приключениях. И попала бы в поле зрения тёмных сил. Следы её привели бы в зазеркалье, к этому времени. Они ищут тебя во всех временных порталах, во всех государствах всех времён. Даже сказанное акушером о странно пахнущем дереве, они поняли бы, что мы болтаемся у них под носом, почти со столетним отрывом. Видишь, рюкзак полон медицинскими инструментами. Самыми передовыми. Я выберу лучшего акушера, настоящего. Скорее, уже выбрал. На днях приведу сюда. Так что, не беспокойся. Пока родишь, я всегда буду рядом. И акушер тоже.

- Дедушка, как приведешь, если говоришь, «они» подобные тени.

- Илларион улыбнулся.

- В их времени, скорее это мы тени. Пойми, человеческая жизнь, всего лишь отражение зазеркалья. Само созидание, даже искусство, даже наука, плоды людского воображения. И наши мечты, наша любовь, наши деяния. Всё это во владениях времени, в мгновение всё может скатиться в прошлое. Лишь душа неподвластна реке времени. Наши терзания и есть деяния души. Тёмные силы - стражи времени. Мы в их владениях, они, незримо властвуют над всем материальным. Неясен исход. Но время — колыбель рождения души в образе. Душа, найдя своё земное воплощение, толкает сознание в пространство безвременья. Людская молва, лишь в мифах своих аукнется об этом. Ну и сказки о рае. Спасём ли мы души? Мы лишь на пути, мы стремимся. Сейчас забота о роженицах, о двух ангелах. Я пойду за акушеркой. Приведу её из времён прошлых. Только ты станешь привыкать к ней. Ей будет казаться, что она в сновидениях. Она примет тебя за свою пропавшую дочь. Да, и она твоя родня, по отцовской линии.

- Дедушка Илларион, вы сейчас серьёзно говорите?

- Более чем, ангел мой. Она долго не сможет оставаться. Нельзя нарушить связь былых времён. И тебе надо пройти по тропе. В случае чего, при моём отсутствии, чтобы нашла этот путь. Завтра, на рассвете, мы отправимся за ней. Я из музея прихватил для тебя одеяние тех времён. И что бы не говорила предок твоя, ты не возражай ей, соглашайся во всём, не огорчай её. Спрашивай обо всем, что интересно о прошлой вашей родне. Но не переходи намеченную черту. Если и скажет, вернуться с ней домой, то найди причину, скажи, не сможешь без своего суженого. Называй ее мамой. Будь ласкова, пожалуйста. В действительности она была в разлуке со своей дочерью. Она, и вся семья, отреклись от неё.

- Как это возможно. Это жестоко. Ужель я предок таких чёрствых душ.

- Ты не выдумывай. У неё европейское медицинское образование. Дочь ослушалась, сбежала с сыном простолюдина. Тогда нравы были строже. Прабабка твоя была из зажиточной семьи, а парень, бедным. Надеюсь, ты уведомила о нравах тех времён.

- Да, дедушка Илларион. А они больше не встретились?

- Не довелось встречаться. Кстати, дочери её звали Фери-

дой.

- Знаю, что прабабку мою звали именно так. Она умерла при родах, в России. Далее, первая мировая, потом революция. Следы затерялись. Интересно, что её отпустили учиться в Европу. Но какая тут гордость, в прощении собственной дочери.

- Легко осудить, милая Анабелла. Но как я упоминал, они предки родовитой семьи из Крымского ханства, до тех событий, переселившиеся в Турцию. Так что, не сомневайся в своих предках. Есть соблюдение нравов, традиции.

- Я не сомневаюсь, но страшновато. Встретиться с прабабкой, принять её за маму. Как это будет выглядеть, бабушка Илларион. Всё время лгать? А потом, при расставании? Если я полюблю её. А если роженицы привыкнут к ней. Вы подумали в этих вещах, бабушка Илларион. Или всегда цель оправдывает средства?

- Хочу сказать, мы так долго не задержимся. Не думай об этом. Тебе неведома вся подноготная происходящего. Не забудь о миссии своей. Мало прояснено о свойствах зеркал. Тем более, о снах. Учти, мы лишь в начале пути.

- Видимо и вам не всё известно. А что именно смущает

вас больше всего?

- Смущает многомерность пространства и времени. Смущают странности зазеркалья. Неожиданные сбросы из царства сновидения. Это правда, что ты записываешь сны. Или сновидения. Мне сказал Арсений.

- Я об этом хотела сказать. Мне снилось расставание с прабабкой. Дочери мои цеплялись за неё, не хотели отпускать. Прабабушка ничего не воспринимала. Вы ввели её в транс. Проснулась я всё в слезах.

- Странно. Но всё не так должно происходить. Я учту то, что ты рассказала. Не волнуйся. Проясним, несомненно. Я сейчас выйду. Ты надень платья, что я принёс, и я фотографирую тебя. Это для прабабки, чтобы удостоверилась в истинности слов. Иначе рушиться всё задуманное.

- Но это платье выглядит старомодным.

- В те времена носили подобные одеяния. Думаешь ей легче будет смириться со своей гордыней. Тем более, семейство вычеркнула тебя из своей жизни. Бывает и хуже.

- Скажете, что она не страдала по дочери?

- Ещё как страдала. Тебе не сказали, но твои родители ездили в Трапезунд. Ты была совсем маленькая, конечно, не помнишь. Нашли следы своей родни. Они подарили ей дневник твоей прабабушки. Даже перед смертью, она молилась за дочь. Это в жизни. В зазеркалье события иначе.

- Удивительно. Почему мама не дала прочесть дневник?

- Оберегала тебя. Ты знаешь, в чьих руках она. Мы всего лишь идущие вслед ими пройденной пути. Оберегая прошлое, оберегаем смыслы жизни.

- Почему зло в человеческой сути?

- Добро и зло, истина или ложь, красота и уродливость. Можно долго продолжать вереницу противоположностей человеческой сути. А суть в выборе человека. Солнышко это подобие синониму любви. Но и оно противоречива. Ты надень платице. Мне надо собираться в путь. Доченька, самому иногда страшновато. Я не умею принимать роды. Так что, спеши.

- Дедушка, ты сказал, что мы вдвоём пойдём за ней.

- Да, но лучше тебя остаться здесь. Приготовь для прабабушки еду. Больше похожую на восточную. Мама твоя когда-то

хвалила тебя, что такая юная, и умеешь готовить.

- А вы мою маму давно знали?

- Мы с ней посвящены одному делу.

- Удивительно. Почему я, поступая доселе в непонятную жизненную стезю, не знаю, до подробностей, в чём суть всего этого? Когда мы станем жить по логике истины.

- Именно сейчас, никак не позже, должны были возникнуть эти вопросы в твоей светлой головшке. Значит, материнские инстинкты рождаются в тебе. Ты заранее стараешься беречь своих, ещё не рожденных дочерей.

- Может быть, вы правы, дедушка Илларион. Но я должна жить в той истине, что в моих восприятиях. Неопределённость тяготее меня. Осознанное действие, вот что мне хотелось обрести ныне. Бегство от зла в иные реальности, это, разновидность обыкновенной трусости. Разве на это не похоже?

- Не бросайся в крайности в своих рассуждениях. Это не бегство, а исполнение миссии своей. Ты даже не представляешь, какими событиями чреват твой путь. Никто не в праве, играть твоей судьбой, и, что более важно, решать за те-

бя. Твоя миссия уход в пространство души. Зло, именно то, от чего стараемся остерегать тебя. На владениях времени, в чьём чреве обитает разум. Это его стражники преследуют тебя. Время не соизволит душе унести за врата царства, телесную суть образа Его. После рождения девочек ты должна пройти школу мужества, школу рыцарства, школу колдовства. Путь твой, тернист.

- Разве нельзя было обучаться в монастыре.

- Тебя бы время унесло. Ты была обречена. И детёныши твои не родились бы. И твой любимый, покончил бы собой у твоей могилы. Многое ещё, не смогу гласить.

- Айк бы так поступил? Мой суженый, мой любимый.

- Поступил бы, да. Скажи, ты помнишь почерк своей матери?

- Наверно, помню. Точно я не скажу. А что спрашиваете, дедушка Илларион.

- Мама твоя перед уходом с экспедицией, оставила письмо.

- Экспедиции куда? И что в письме? Говорили вы, что ма-

ма ныне в плену.

- Не в земной реальности, а в зазеркалье. Где и ныне мы. Да, не могли сказать. Даже пошептать в ухо. Даже думать об этом вне монастыря. Доченька, по большому счастью, твоя миссия, сначала спасти маму свою, и отца Айка.

- А почему Айк ныне не со мной. Почему должна обрекать любимого к страданиям.

- Здесь тебе не посещение театра. Наступит и его черёд. Его подготавливают братья в монастыре. Болезнь ослабила его. Время лечит. Ему надобно многому приучиться, и когда-нибудь он присоединится к нам. Он ныне часто посещает тебя. Твою телесную суть, в монастыре.

- Я соскучилась по нему. Он видит тело моё, и все изменения в нём?

- Сейчас ещё заплачешь. Возьми это письмо. - доставая из рюкзака опечатанный конверт, старик подал письмо Анабелле.

- Письмо моей мамы?

- Анабелла, с любопытством и под странный взгляд ста-

рика, взяла прочесть. Постепенно гримасу её светлого лица передавали то удивление, то растерянность. После прочтения, она долго не смогла прийти в себя. Ей не хватало воздуха. Вырвалась к окну, широко раскрыла створки, и долго не могла надышаться морским влажным воздухом, упитанному душистым запахом цветов катапальмы. Не дожидаясь слов подопечной, старик сам заговорил:

- Человеку не разузнать, как выкатывается в зазеркалье. Живёт себе приобретенными привычками, заботами своими земными, и наступает пора, когда, по разным причинам, покидает родимые края, ареал своего этнического пространства, и кажется ему, продолжает ту свою обыденную, но всего лишь иную жизнь. Но это жизнь тленного тела, и ничего больше. Душа, вне сознания, обитает совсем в иных реалиях. Осознать это сложно, может и бессмысленно. Но есть оттенки зазеркалья, иные реальности, не для сознания земной, как можно выразиться. Чтобы не исчезнуть в бесконечных лабиринтах зазеркалья людского планетарного бытия, надобно видоизменять, расширять пространство обитания людской расы в разных состояниях, в разных измерениях.

- Как это понять, состояние времени, дедушка?

- В прошлом, конечно. Может быть, и в будущем. Так как пути времени и пространства линейны, мы нынче знаем

единственный путь, приемлемый людскому сознанию. Это лабиринты прошлого. Ты не падай в уныние. Я скажу, почему выбор пал на тебя. Отец твой, до поступления археологический институт, года четыре изучал мёртвые языки востока. Он, выходец из Малой Азии, и естественно ему легче было вникать в семантику, в археографию слов и словосочетание этих языков. Чтобы то ни было, это ему удавалось успешно.

- Это означает, что и меня выбрали по тем критериям, что и папу. И что я, обрусевшая Татарка, неведомо всему шлейфу, определив идентичность к этническому, могу быть полезной?

- Даже не представляешь, что ты являешься наследницей, каких только кровей, и конечно, судеб. Ныне, ты вершина твоей генеалогической ветви. Так что, милая моя девочка, миссия твоя в археографию пространства-времени давно началась. И многое познаешь в пути. Сейчас не мучай себя с конструированием воображения. Да, воображение подобно тропам в пути, но всегда, обманчивое. Да, ещё о твоём отце. В первой археологической экспедиции, изучая внутренности обнаруженной пещеры, привлекли его внимание надписи на плоской, специально подготовленной поверхности на стене пещеры. Но самое странное, что его осенило, это звуковая гамма капающих капель воды из щелей пещер. Он аккуратно

записывал в чувствительном записывающем аппарате странно чередующийся шорох капель, и в лаборатории, изучая наскальные зарисовки и звучание непонятных знаков клинописи, случайно сопоставив эти голосовые гаммы со звучаниями капель воды, обнаружил, что это похоже на запись древнейшей мелодии. И в окончательном варианте, обработанном на компьютере, они с напарниками убедились в этом. Но по непонятным причинам, они утаили это открытие от общественности. Умалчивали, замкнулись в себя. Отец твой утверждал, что разум лишь накопитель информации о вселенной, носитель, и может быть, в будущем, распространитель по вселенной. А когда своей группой археологов начали полевые эксперименты, связанной с языком стихии, за ними пришли. Не имея опыта, не остереглись. Но теперь иначе. Звуковая гамма, о чём сказал, это молитва, непонятно только, людской ли расе она принадлежит. Если в клинописи, то с прошлых времён. И для кого сохранено? Но эта молитва оберегла нас в пути, и оберегает.

- Я знаю, дедушка, в монастыре, каждый вечер воспевал с братьями. Когда появляются признаки отчаяния, то прибегаю к её помощи. И наступает внутреннее затишье, внутренний покой. В те мгновения, дух возносится над всем материальным. Это правда, дедушка. Но, правда и то, что я должна притворяться, обманывать прабабку, и в святой памяти о её дочери. Разве не кошунство? И поступок этот, аукнется

в будущем.

- Не гадай сейчас, что где аукнется, а думай о нравах, восприятия действительности времён твоей прабабки. По правде, это недолгий интервал между поколениями. В крайнем случи, не столетия, куда, надеюсь, соберешься потом. В скором будущем. Сейчас все заботы о твоих наследницах.

- Дедушка, иногда у меня возникают сомнения, не противоречат ли наши поступки замыслам Творца? Его деяния во вселенских сновидениях, мы стараемся осуществить сами. Шествовать повсюду. Отдаляясь от колыбели, в просторах, не угодных разуму. Нырнуть в те края, скрываясь от зла. Или, в поисках тайн иных.

- Мы в сновидениях ближе к Творцу. Поступки наши кажутся тебе сумасбродством вселенского масштаба, что приспособление к времени — пространства, в арену деяния, что это всего лишь, поэзия разума, его искрящиеся лучи, подобные лучам солнышка. Факел разума на пути времён. Если наши деяния в ареале любви, это не противоречит замыслам Творца. Любовь, порывы любви...

- Анабелла познала значение слов старика, когда через день, в сопровождении Иллариона, в комнату вошла женщина средних лет. Тревожными глазами, она взглянула на Ана-

беллу, и пока та опомнилась, ринулась к ней, взяла её в объятия, и вся в слезах, целуя непрестанно, говорила слова, слова. Что, Анабелла слабо воспринимала.

- Доченька, милая, ты жива, жива. Сколько я страдала, сколько плакала. Я хотела умереть, быть с единственной, ненаглядной моей. Слава всевышнему, слава этому незнакомцу, что привёл меня сюда. Доченька, не бойся. Гнев отца давно прошел. Он весь поседел, получив весть о твоей гибели. Ненаглядная моя. Значит, ждёшь наследника. Нашего наследника. Незнакомец говорит, что в этом доме ты должна ждать твоего суженого. Чтобы его ноги поломаны. Прости. Прости. Мы его всё время проклинали, считая виновником твоей гибели. Прости, доченька...

Необъяснимый, материнский запах. То же самое почувствовала Анабелла в объятиях собственной матери. Она не произнесла ни слова. Она поцеловала прабабушку, и в душе растворились все тревоги, окутавшие её последнее время.

- Мама, сядь, пожалуйста. Ты с дороги. Я чаем тебя угощу, - на ломанном турецком, выговорила она, когда прабабушка отпустила её, и не удивилась произношению, так как Илларион предупредил заранее, что дочь её за годы отсутствия, плохо говорит на родном языке.

- Не нужно ничего, сядь рядом, дай мне насладиться, твоим присутствием. Утолить мою тоску. Ты изменилась, стройная такая, привлекательная. Когда незнакомец сообщил о тебе, я думала, попался мошенник с большой дороги. Но он объяснял всё нами пережитое, и я поверила ему. Я не помню, чем занималась до приезда незнакомца. Была тишина, вечная благодать. Подобие сновидения. Но там ты всегда присутствовала рядом. Я не боялась, я заботилась о тебе. Души наши порхали над мирозданием. И маму я видела, и погибших на войне братьев. Видимо, действительно, в глубоком сновидении была. Пока незнакомец не разбудил меня. Доченька, расскажи о себе. Расскажи о том никчемном, кто похитил тебя. Что ты нашла в нём, что отвернулась от семьи. Отец твой не по годам, поседел от дум. Вскоре захворал. Станешь сейчас оправдываться любовью? Мы все рождены от любви. Но если не соблюсти традиции, мир рухнет, правда. Над людьми довлеют низменные чувства, перебьют друг друга. Если не соблюсти грань дозволенного, обесцениться смысл самой жизни.

- Мама, а будущее, свобода, любовь, а жертвенность души?

- Видимо смута, царубийство, и убийство своих вождей в северной стране, пагубно повлияли на твои мысли и рассуждения.

- Но, правда. Будущее совсем иное.

- Иное говоришь. Будущее каждого, не в его ли смерти. Слияние с вечностью. Ты не создавай иллюзией о прогрессе. Всё воедино, и всё в Боге. Сознание, это орудие души. А для него, что важнее всего? Родимые души, или райские сады. Выбор за людьми. В определениях разума, истина - это объективный взгляд на природу вещей. Истинен лишь образ мгновенья нашего восприятия бытия. Так как иное мгновение, и истина иная.

- Мама, милая, есть же прогресс, есть развитие. Есть уйма загадок жизни.

- Это доченька, иллюзии разума. А инстинкт самосохранения, всего лишь, прирождённое правдой жизни качество. Оно не мера справедливости. Это есть выбор. Выбор разума в материальном пространстве, среди себя подобных. Пойми, доченька, всегда важны род и племя своё, а не райские сады в одиночестве. Душе угодна частичка своего, и не обезличенное болтание в воображаемых садах. Бредни разума приукрашивает объективную действительность, что и внушает иллюзию выбора. Нам не поведать умысел Творца. Вновь повторюсь. Истина жизни, это любовь к ближнему. Без этого, поверь, теряется смысл человеческого бытия. Блуждающий

разум, ищущий островки обитания в вечности, разумея конечно, островки любви. Ты побледнела. Своей болтовней наверно я утомляла тебя. Прости меня, доченька.

- Мама, это малыши шалят. Не переживай ты так.

- Тогда сядь, отдохни. Я пойду на кухню. Только скажи, на каком огне приготовить еду. Я не вижу печи дровяной или угольной.

- Мама, слышишь жужжание, из нижнего этажа. Это трансформатор, приспособление, вырабатывающее электричество. Вот и у нас плита электрическая.

- Странно, я об этом и не слышала. Всё странно. Твоя манера разговора, твоя красота. Сколько лет прошло, и мне кажется, должна бы выглядеть намного старше. Может на севере холод препятствует старению?

- Скорее косметика имеет необыкновенные свойства.

- Значит, моя дочь стала изысканной модницей?

- Может и так, мама. Там, на севере, в высшем обществе так принято.

- Ну и ну. Странные вещи творятся на свете. Ладно, покажи, как приготовить на этой печи. И расскажешь, что с твоим мужем, и что в чужбине решили завестись потомством. Позабыли о своей дочери? Этого странника спрашиваю, как умудрился вызволить меня из имения. Повсюду охранники. Молчит, будто немой. Странно. Где мы находимся. Почему-то солнечный восход не от моря.

От сомнения и беспокойства прабабушки, Анабелле становилось неловко. Но она понимала, что сколь бы не были велики угрызения совести, истина была в том, что она сама взбудораживала пределы осознания души прабабушки. Что в обитающую в иных реалиях душу её был внесён отрывок времён прошедших, когда она обитала в телесном облике. И что после родов, Илларион выпроводит её, и она проснётся от глубокого сновидения абсолютно в иных реалиях и в ином облике. Вне предела времени.

После объятия прабабушки, Анабелле становилось грустно, от мысли расставания с ней. Но о какой дочери она говорила? И сколь бы не наставлял Илларион, что это неизбежно, что нельзя долго взбудораживать просторы обитания души предков, что это может обернуться непредсказуемыми событиями. А события становились неминуемыми. До рож-

дения дочерей, Анабелла неопределённое время не так остро ощущала расставание с ними. Подсознательно оттолкнула из памяти все страхи и беспокойства, зная, что братья ордена рассчитывали все нюансы. Лишь бы до рождения малышей она бы выучила язык, особенности и нравы людей тех времён, куда должна была внедриться. Почти всё свободное время этим и была поглощена. Трудно давалась особенность наречия греческого, и говор Киликийских армян, с чьими караванами, скорее на их торговом судне должна была путешествовать по странам залива, в облике принцессы, идущей на зов супруга. Представляться гречанкой ей было легко, так как знала, что в генеалогической ветви действительно присутствовала гречанка. А бабушка прабабушки была татаркой из Крыма. Братья из ордена, когда остановились в кандидатуре Анабеллы, учитывали генеалогию её происхождения, подготовленность её крови к вызовам судьбы, так как, перемещая её во времени, не смогли бы предугадать все преграды в пути, благоразумие, смелость, находчивость, упрямство и если понадобилась бы, женское утончённое интриганство. Коварство наконец, присутствовали в её генеалогической цепи, значит, в крови и миллиардных клетках в извилинах мозга присутствуют защитные механизмы от всяких невзгод. Осознавая всю подноготную присутствия своего в пространствах зазеркалья, иногда она просыпалась в холодном поту, с интуицией, присущей лишь женщинам, что она пешка в чьей-то дьявольской игре, так как Божий промысел

подобен симфонии, сияет лучами солнышка, приемлем для души, и без всяких обиняков. Всё мотивировано, заманчиво, требует жертвенности. Но многие деяния Братьев были окутаны завесой тайн. Уроки волшебства, уроки расщепления анатомической субстанции в морге городской клиники, изучая расположение органов человека. Ощущая жалость, ничемность человека без дыхания, без души, она в одиночестве долго думала, зачем телу бессмертие? Душа и так в назначенный судьбой час, покинет тело. Океан загадок, и смутные догадки, ни к чему не приводящие. После долгой практики, тренировок на манекенах, впервые она должна была, под наблюдением Братьев, взять скальпель, выполнять операционное действие над умершим человеком. Там и случился дичайший конфуз. В полночь, городской клинике, в присутствии Братьев медиков, в прохладном, подвальном помещении, ждали привоза служащими из холодильного отдела морга, тела мертвеца. Ощущения её были жутковатыми. Но она собралась, сосредоточилась. Привезли труп на каталке, под саваном. Переместили на операционный стол, и удалились. Была шокирована, когда один из Братьев сбросил саван с лица умершего. На столе лежала несравненно обаятельная, с бледным личиком, полуоткрытыми, синими глазами юная девочка. Было чувство такое, что она улыбнется, вскочит из стола, промолвит, что это розыгрыш.

- Анабелла, начнем, - произнес хирург, и все, кроме неё,

окружили операционный стол. Что-то сокровенное, непорочное взбунтовалась в её душе.

Сказала твёрдо. Не подняв глаза на присутствующих у операционного стола.

- Я не стану трогать девушку. Я не приближусь к ней.

- Пойми, это материал для практики. Здесь нет девушки. Это лишь прошедший образ её души, - хотел переубедить монах Арсени.

- Я сказала, не буду прикоснуться. Никогда.

- Ладно, так и быть. Только успокойся. Следы издали, как, и какими способами, мы обнаруживаем причины её смерти. Это важно для тебя.

- Анабелле казалось вечностью, пока Братья кромсали тело девушки, и каждый раз, объясняя ей, свои действия. В ту пору, все трое для Анабеллы казались просто хладнокровными убийцами. Заканчивая вскрытие, Братья попросили её накрыть саваном тело, а сами вошли в умывальную, помыть, продезинфицировать руки, переодеться. С холодком в душе она подошла совсем близко, машинально перекрестила личико её, накрыла саваном. В умывальнике долго тош-

нило. Братья привели её в чувство. В замке хотели напоить чаем. Она попросила оставить её одну. Когда дверь хлопнулась за Братями, она начала рыдать. Беспреданно, почти до утра. Когда Анабелла мысленно катилась в человеческую, земную стезю нравственных категории, не думая о своей миссии, то несказанно мучилась от угрызения совести, что беспокоила тени прошлых времён, взбудораживала усмирённую душу прабабушки, витающей в просторах безвременья. Но чувства родимой кровинки, подобие мамы, сладкой, убаюкивающей, не сдерживали её. Иногда без причин обнимала, надышавшись её дыханием. А удивлённые вопросы прабабушки оставляла без ответа, лишь улыбалась.

- Ты случайно не больна? Беспокоилась старушка, прикасаясь ладонью к её лбу.

- Болею тоской о тебе, - призналась Анабелла, и это было искренне, с любовью, с чувством расставания в скором времени.

Перемещаться в Божьем пространстве. Но что могло быть значимо для неё, понимала, что оно стоило дороже земных привязанностей. Что милее мириад светлячков в знойную летнюю пору. В Божьей колыбели, на матушке-земле искать первопричины, искать пути спасения тленного тела. Увядшей, вернувшейся в лоно природы Матери. Что тело для ду-

ши, сулившей лишь тоску, страдание, разлуку, - и чувство обреченности. Трудно ей в телесном обрамлении. Лишь деяния, внешние проявления: Мелодии пространств, уход в творчество, любовь к ближней. Но и животная агрессия, добыча питания, толкающая падших душ к уничтожению слабых. Мечты подобны образам и деяниям души в ином обрамлении, рубцеванием ран и иных невзгод. Тесновато в земной колыбели. И сознанию не уповать, загнавшей вглубь памяти бремя страстей и ликования. В животном мире, лишь животные страсти: совокупление, усмирение, приспособление, забвенье. А путь, ей предназначенный, в сонное царство, и долгая дорога в лабиринтах зазеркалья. Выбор был осознан. Десятилетние труды Братства давали плоды. Эксперименты начались давненько, но ушедшие в зазеркалье, терялись бесследно. Непонятно что сковывало их возвращение. Тела в Сфере проживали своё, а души застряли в лабиринтах времён. В долгих исканиях, озарение пришло. Женщина — вершина в телесном обрамлении, и любви своей, и преданности, и океан загадок, неразгаданных доселе. Труднее была привить Анабелле не навыки медицины иль самозащиты, сражения с уймой людей, а нравы времён. Ею занимались более скрупулёзно, чем летевшим во внешнее пространство существом. Главное — привязать душу ко времени. Не застревать, не соблазняться факторами зазеркалья. Не растворять сознание и душу в сонном царстве. Спасать родителей, пришедших туда давно. Смутное чувство того, что рождение до-

черей в зазеркалье связано с её экспедицией, приходило в голову, но она не придавала этому значения. Братья были уверены, что зов крови будет оберегать её, и удачу в экспедиции. Любовь к детям, может, самый преваляющий инстинкт, вложенный в гены милой татарочки. Видя растерянное шатание прабабушки возле плиты, Анабелла сжалилась, подошла, который раз за день обняла её, и сказала, что сама приготовит ужин. Но прабабушка не угомонилась.

- В таком состоянии, тебе нельзя, не положено. Этого неверного надо переубедить, и забрать тебя домой. Там служанки, кухарки. Негоже тебе о приготовлении пищи заботиться, доченька. От чего боишься, может ты пленница этого человека? Я мир переверну на его голову, если он посмеет навредить тебе.

- Милая, любимая мамочка. Что за странные мысли приходят тебе в голову. Никакая я не пленница. Разве это не заметно? Ты успокойся. Ничего зазорного в приготовлении пищи. Вообще приготовлю сейчас яичницу. И чаю попьём с вареньем. Ты сядь рядом, у окна. И рассказывай, еще, что у вас происходило без меня. Чем занимался отец. Как пережили войну. Всё это очень интересно, мама.

- Станный у нас получается разговор, доченька. Ты изменилась, очень. Если не черты лица, я бы сказала, что под-

менили тебя. Прости за мои слова, прости.

- Это ты должна меня простить, мама. Я нарушила ваш покой. Я просила, очень, чтобы оставили в покое, не ворошили прошлое нашего рода. Но... Не от меня зависело это. Я правду говорю.

- Сейчас ты о чем, доченька. Что, не соскучилась по семье? Ты не хотела встречаться со мной? Это правда, что ли? Разве такое возможно?

- Боже упаси, мама. Моя воля, я бы разрушила все небесные барьеры, соединяла бы родных всех времён. Но, увы, к сожалению, этого мне не дано.

- Я не знаю, что за тайна удерживает тебя в этой глуши, и никогда не пойму наверно. Может, с супругом своим участвовали в разрушении устоев империи на Севере. Может, за какую-нибудь другую причину царская охранка гонится за вами. Но, как сказал этот неверный, здесь ты в безопасности. А что мешает, если поселишься в родном, отцовском доме. Там родня твоя, близкие люди, родственники. Обслуживали бы тебя слуги, а не мучилась бы у этого странного очага. Ещё неизвестно, он чей. Лучше в родную колыбельную. Ну что, дочь?

- Мама, нельзя, не настаивай, пожалуйста. Дом там под наблюдением. И жандармы наверняка сдадут меня властям, а они передадут царской охранке. Не поможет и то, что я беременна. Шутки с государством, очень плохи.

- Боже упаси меня. Во что же вы ввязались. Я уверена, во всём виноват зять. Я правду говорю, да? Он всегда казался мне странноватым, подозрительным.

- Мама, милая. Забудь про всё. Твоё присутствие ничем несравнимо. Пожалуйста...

- А потом? Что после рождения малышей? Куда отправишься? Опять обратно?

- Илларион знает, как нам поступать. Мы что-то предпримем. Найдём выход.

- Этот неверный не внушает у меня доверия. Глаза разбегаются, и подобны темени ада. Несговорчивый, вежливый такой чужестранец. С новорождёнными будешь бегать за ним. Думаешь, я этого допущу?

- Я тебя уверяю, что всё в порядке. Поверь. Он просто воин, оберегающий меня. Мама, а что за медаль у тебя на шее? А внутри, видимо, талисман, или заговор, да?

- Прабабушка встрепенулась, оглянулась в соседнюю комнату, нет ли там неверного.

- Я обещала этому чёрту, что об этой тайне тебе умолчу.

- Мама, какая ещё тайна. Скажи, пожалуйста.

- Нельзя, доченька. Я обещала. Он сказал, что после какой-то катастрофы ты позабыла обо всем этом, и что перед родами тебе вообще нельзя волноваться.

- Мама, если ты рядом, ничто больше не в состоянии расстроить меня.

- Не знаю. Не уверена. Этот человек говорил, что у тебя была травма, и ты потеряла память. Видимо он правду говорит, да, дочь?

- Какую правду, мама. Что, он так прямо и говорил? В чём причина этих твоих намёков, недоговоренностей. Можешь объяснять толком. Пожалуйста.

- Да, говорил именно о травме. Что ты свалилась с лошади, или с кареты.

- Может, и было нечто подобное, но давно. Многое в памяти восстановилось.

- А о главном, ты так и не вспомнила, да? Как могла ты этого не вспомнить.

- О чем именно, мама. Что значит главное? Прошу, объясни. Ведь это не трудно.

- Потом твой неверный не отчитает меня?

- Он лишь сопровождает, и оберегает. Не беспокойся о нем, пожалуйста.

Прабабушка неуверенно сняла кулон с шеи, нажала на кнопку в нём, и он открылся. Потом раскрытый кулон протянула Анабелле.

- Узнаёшь её? – И, показала фотографию внутри кулона.

- Анабелла смотрела, и от неожиданности, побледнела. Внутри кулона была изображена девочка, чей образ мучила её, после практики в морге. Участилась её сердцебиение. Не ожидала она увидеть этого.

- Мама, кто эта девочка?

- Значит, не узнала. Это твоя дочь, Джансу.

- Слова зазвучали подобно грому среди ясного неба. К такому развороту Анабелла не была готова. Пока она в шоке, не могла опомниться, дверь закрипела, и вошёл в комнату Илларион. С первого взгляда он понял, что тут произошло.

- Доброго дня вам, почтенные дамы. – поздоровался он, и положил пакеты на стол. Потом, глядя на прабабушку, покачивая головой, укорял её.

- Я попросил, чтобы вы повременили сообщением, хотя бы до рождения малышей.

- Простите. Я старалась. Но она упрямецствовала. И почему правда сможет, навредить ей. Нелепость, и больше ничего. Узнавая о дочери, она станет более счастливым.

- Да, мама. Ты права. Видимо меня оберегали от стрессов и опасностей. Потому, обещаю. Невзирая на опасности, буду навещать её. Обязательно. Как она сейчас.

- О Джансу спрашиваешь? Она ныне стала взрослой девочкой. Но плохо то, что хворает в последнее время. На животик жалуется. Я даю обезболивающие травы. Мало помо-

гает.

Анабелла ужаснулась.

- Мама, её срочно надо оперировать. Надо удалить аппендицит. Но надо делать это быстрее. А почему сразу не сообщила. Если бы с ней что случилось?

- Что ты пугаешь, дочь. Откуда догадалась, что аппендицит. И как его оперировать. Это возможно лишь в столице. Но там война, разруха. Повсюду война. Невозможно в Европу пробраться. Но почему именно, аппендицит. Я сама врач, но не в этой области. Не знаю, чего предпринимать.

- Знаю, мама. Я это чувствую. Я видела вещий сон. Я приручена к лечению подобных болезней.

- Значит, материнский инстинкт сработал? Что теперь нам делать. Мне скорее надо возвращаться к ней. Моей внучке угрожает опасность. Бедная моя Джансу. А я всё поила её травяным чаем. Доченька, собирайся, и без разговоров. Подем в отцовский дом. Спасешь свою дочь. Там и родишь. Лучшему и не бывать.

- Мама, а если Илларион приведёт Джансу сюда. Принесёт и инструменты. Как вам такой расклад, дедушка Илларион?

Я правильно мыслю.

- Это выглядит более чем разумно. А как реагируют Братья. Ты об этом думала.

- Обо всём они должны были сами думать. Не стоило скрывать от меня цель той операции. Теперь я поняла, почему они так скрупулёзно действовали, объясняя всё до мелочей. Я, несомненно, благодарна им.

- Анабелла, можно поговорим наедине. - Отойдя в другую комнату, Илларион грустно смотрел в глаза её, и продолжил тихим голосом. - Сколь бы не было завораживающим метафизическая подкладка любви, грёз и мечтании, ты понимаешь, что объективный наш мир неизменно материален, и мы подвластны его законам. Время бытия реальной действительности зазеркалья, что беспощадно изменчиво и уносится в свои лабиринты и отрывки памяти. Память о чувствах твоих благородных пусть останется в памяти. Думаю, не советуясь с Братьями, не надо принимать решения.

- Дедушка... Говоришь, остаться лишь с тоской, меланхолией души, ничего не предпринимать. Продолжить миссию с такой скверной в душе? За что мы гонимся. Спасение душ человеческих для обитания в иных реалиях, или спасение стада людского. Ради высокой цели игнорировать страдания

других? Тем более, родни моей. Этого я не обещала.

- Ты упрямая такая. Родня давненько в нирване. Взбудоражили их среду, но уйдём.

- Хотели сказать, упрямая как татарочка? - Анабелла улыбнулась.

- Улыбаешься... Моя обязанность содействовать и остерегать тебя до рождения малышей. Далее, наши пути разойдутся. Тебе — путь в пространства неизведанные сознанием, куда путь мужчинам ограждён за свои звериные инстинкты. Ты посвящена в подробности, а я лишь проводник.

- Прости, дедушка Илларион. Земные страсти иногда превалируют у меня. Но, по относящим к Джансу вопросам, моё решение, неколебимо. Её гибель означает мою гибель. Я стану оперировать её. На счёт инструментария, он есть в наличии.

- Я понимаю. Глубинная мысль высказанная тобой, твои чувства, несоизмеримы со словами. Правильное решение. Во всяком случае, в обозримое время, пока я присутствую, ничего во вред тебе, не случится.

- Спасибо за понимание. Вы дороги для меня, дедушка

Илларион.

- Тогда в путь. И отточи легенду твоего появления воочию в прадедовском имении. Он сложный человек, со своими грехами, ошибками. Не забудь, что за тайную любовь к обедневшему парню, он приказал убить его, а тебя, то есть свою дочь, изгнать из семьи, отобрав младенца. Но прабабушка вмешалась. Помогла парню и тебе сбежать в Россию. Младенца вынужденно оставили. Но рыбацкая лодка попала в шторм, и люди в нём утонули, кроме её дочери, вышедшей заново замуж в России. Это уже, твоё прошлое. Конечно, об этом никто не знает. Но он всегда думал о дочери. Его суровость, жестокость исчезали, видя свою внучку. Чем больше выросла Джансу, тем больше требовала родителей у деда, у бабки, почему она без матери, без отца. С годами дед, не получая вести от дочери, весь сник, ушёл в себя. И улыбки невозможно было ловить в его лице.

- Когда Анабелла сообщила прабабушке о своём решении, то старушка растрогалась и расплакалась. Понимала, что исполниться её материнская мечта. Наконец-то встретятся мать и дитя. Для неё неважно было, как отнесётся к этому супруг.

- Но как мы выберемся с этой глуши, ещё и ты в таком состоянии. - обмолвилась прабабушка.

Анабелла успокаивала.

- Дедушка Илларион поможет нам. Да, поможет, способом волшебства. Переместит нас во времени. Надо нам собираться, мама.

- Ты говоришь об этом так спокойно, доченька. Грешно иметь дело с нечистой силой. Взамен он что потребует от нас. Ты как то поинтересовалась?

- Успокойся, мама. В скором будущем люди и на другие планеты полетят.

- Сказок много читала. Правду говорят, что в той стране, откуда ты пришла, даже ведьмы на метле летают.

- Ты права, мама, и вправду летают. Но не на метле. - улыбаясь, подтвердила Анабелла, помогая надеть пальто, прабабушке.

- Дочь, я не то сказала? - Смущённо вопрошала прабабушка.

- Видимо, не то. Но сейчас не важно. Надо спешить к Джансу. Мама, пойми ты одно. Сказки, всего лишь пересказ

сновидения, возникшего в зазеркалье.

- Я плохо соображаю, о чем ты говоришь. Видимо пред-родовые страхи влияют на тебя. Да, надо спешить. Мама моей внучки возвращается к ней. Большой радости я и не представляла. Знаю, всё будет хорошо.

- Так и будет, мама. Обещаю. Сейчас мы спустимся к берегу, сядем вон в ту, странную лодку, и скорее проберёмся ближе к родному дому.

- Доченька, я не выношу укачивания. Даже Босфор пресекать с одного берега до другого, для меня было мучением.

- Не бойся, поверь. Это скоростное судно. Я сама не выношу, и страдаю от укачивания. Мы даже не успеем осознать что-то подобное качке, и окажемся на месте. Главное, поверь мне, хорошо?

- Эту посудину ты называешь судном? А где мачты, почему странно гудит.

- Мама, в Европе давно используют такие судна с двигателями.

- Всё равно, непонятно и странно. Ладно, ради внучки, я

сяду хоть на метлу.

- Спустиись осторожно, мама, сядь на этот кресло. Дай-ка я сейчас поглажу твою шею, и не станешь чувствовать никакие укачивания.

Анабелла ввела прабабушку в искусственный сон. Накрывая её одеялом, присела рядом. Она всё думала, глядя в темень морской дали. Думала о том, что ещё могло быть дороже от семейных привязанностей? Что могло быть милее, чем память детства. Тех знойных вечеров, когда бегала в радости, среди мириад светлячков. С годами, все лишь одни эти увядающие образы. А что они для души? Осознание собственного присутствия в мире? Или это отголоски страдания за все несовершенства, за мимолётность всего окружающего. Тогда, в действительности, в чём смысл происходящего вокруг, да и с ней. Может, отсутствие всех любимых, которых нет рядом. Вырвавшись от будничной жизни, удаляя телефонные номера, оставалась одна лишь ностальгия. Может, потом, улавливая мимолётные радости, замирая в тех мгновениях. Но зло, всегда с именем добродетели берёт под свой надзор, рождение и право бытия в Божьем пространстве. Чтобы опередить пути зла, добродетели нет иного выбора, вынужденно окунуться в бездну неведомых пространств. А Божий промысел, творивший человеческую особь, увековечит образы души во внешних проявлениях — в звуковых

гаммах ли, в стихах, плясках.

Животная агрессия, самоутверждение в просторах добычи питания, толкнули, кажущихся разумными и себе подобных существ, к уничтожению людей. В телесном обличии, выбор меж добра и зла. Пути иные, не изведаны, загадочны. В пространстве зеркал, в извилинах отражении прошедших времён, лишь состоявшийся путь человека. Но о безвременье, о вечности, лишь смутные догадки в прозрениях посвященных.

В Братстве, трудясь над подготовкой Анабеллы, не упустили малейшего фактора, что относится к угрозе для её души. Предвидели все факторы риска, кроме одного. Любви. И это, нарастающее привыкание к Джансу, к своей дочери могло сгубить её. Запреты, подобие табу, ежечасно звучали из уст Братьев: Не соблазняться, не привыкать к месту нахождения, ибо это прошедшее время земной действительности. Не растворить сознание и душу в сонном царстве. Найти верный путь в лабиринтах зазеркалья. Иногда, у Анабеллы возникали смутные чувства того, что рождение дочерей в зазеркалье, становилось удерживающим фактором для неё. Кровинка родимая станет оберегать её. Любовь и инстинкт сохранения детей, путь обратно к ним, это залог удачного эксперимента. Любовь к детям может и самый превалирующий инстинкт милой Татарочки. Думая об этом, она ирони-

зировала над наивными представлениями Братьев. А любовь и тоска к тропам детства, кочующим облачкам, к своей жизни, непрожитой? Труднее всего, как наставляли Братья, войти в роль обывателя тех эпох, куда забрасывал бы путь поисков, и насколько возможно, отдалять из памяти реалии земной жизни. Вникнуть в нюансы нравов сословия, поведенческие, бытовые подробности простолюдина. Все сказки, сочинённые о прошлых временах не стоили и гроша, в действительности того прошлого. В реалиях, будни третьего тысячелетия, и в кажущемся океане возможностей люди обходятся всего-то парой сотен слов, словосочетаний. А что в прошлом? Лишь думы о хлебе насущном, выживание среди себе подобных. А похоть и прихоти сословия, ныне именуемого элитой, вечно угнетающей слабых и обездоленных. Видимо прозрело в мозгах этих зловещих элит убеждение, что пора избавляться от отстающих этносов, оставляя в обслугу обезличенные массы, постепенно замещая их искусственным интеллектом. Пути спасения душ - в Божьем промысле. Вот что обозначилось приоритетом их экспедиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.